

СЕВЕРОЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Л.Е. Коган

УГАРИТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Угаритский язык (У.я.) — принятое в европейской традиции (англ. *Ugaritic*, нем. *das Ugaritische*, франц. *l'ougaritique*) условное название для языка документов из города-государства Угарит (в алфавитной записи на У.я. — *?ugrt*, в аккадской слоговой клинописи — *ú-ga-ri-it*). Самоназвание неизвестно.

1.1.2. На сегодняшний день представляется несомненной принадлежность У.я. к центральносемитской группе, в составе которой он вместе с ханаанейскими и арамейскими языками, вероятно, составляет особую северо-западную группу, противопоставленную арабскому. Среди важных классифицирующих изоглосс, характеризующих эту группу, следует упомянуть переход **w-* в *y-* и появление *-i-* во втором слоге основ перфекта породы D. Дальнейшее уточнение места У.я. остается предметом полемики: У.я. определяют либо как одну из трех независимых составляющих северо-западной группы, либо как архаический и периферийный ханаанейский диалект. С ханаанейскими языками У.я. объединяется рядом важных изоглосс: присутствие мимации в двойственном и множественном числе мужского рода имен, *t*-префиксация в формах 3-го лица множественного числа префиксального спряжения женского рода, образование форм интенсивной породы с редупликацией третьего корневого у глаголов со слабым срединным согласным, ассимиляция *-lk-* > *-kk-* в формах глагола *lkh* 'брать'. По мнению многих исследователей, этих сходжений достаточно для того, чтобы постулировать весьма тесное родство между У.я. и ханаанейскими языками. Единственное важное отличие У.я. от ханаанейских языков — отсутствие в У.я. перехода **ā > ō*, известного для ханаанейских языков уже в середине II тыс. до н. э. по глоссам из Эль-Амарны.

1.1.3. У.я. был распространен на территории города-государства Угарит, центр которого располагался вблизи средиземноморского побережья Сирии на расстоянии 12 км к северу от современного порта Латакия (по-арабски городище называется *Raʿs šamra* 'укропная голова'). К городу примыкали несколько поселений-спутников, важнейшим из которых является городище *Raʿs ibn hani*. Угарит был заселен уже в неолитическую эпоху, однако тексты на У.я. известны лишь с середины XIV в. до н. э. В этот период Угаритское царство находилось в зависимости от Хеттской державы (до 1350 г. до н. э. — от Египта). Внезапная гибель угаритской цивилизации приходится примерно на 1180–1170-е гг. до н. э., причиной ее, как принято считать, послужила атака «народов моря». На протяжении последних 150 лет своего существования Угарит был процветающим центром международной морской торговли, многоязычным и мультикультурным городом. Тексты на У.я. составляют большинство письменных памятников из Угарита, хотя там же были обнаружены слова, фразы и целые тексты на ряде других языков региона (хурритском, аккадском, хеттском, египетском и шумерском). Число говоривших на У.я. оценить трудно, по-видимому, речь может идти о нескольких десятках тысяч носителей.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Сведений о диалектных различиях нет. Незначительные элементы языковой вариативности внутри У.я. обычно связывают с его хронологической стратификацией. Так, принято полагать, что поэтические тексты в целом существенно архаичнее прозаических. В рамках поэтического корпуса наиболее архаичными считают эпические циклы о *bšl* и *ʔakht*, более поздним — эпос о *krt*. Явные фонологические архаизмы присущи эпическому тексту КТУ 1.12 («Битва *bšl* с богами пустыни»).

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Данных нет.

1.3.2. Корпус текстов на У.я. весьма разнообразен. Стандартное для современной угаритологии издание КТУ (по которому цитируются угаритские тексты также и в настоящем описании) делит их на следующие основные группы: 1) тексты литературного и культового характера — неоднородная группа, состоящая как из собственно литературных произведений, написанных стихами (эпос, гимны, заклинания), так и из текстов, связанных с отправлением культа (например, списки жертвоприношений); 2) письма; 3) правовые документы; 4) хозяйственные документы; 5) писцовые упражнения (в частности, списки алфавитных знаков); 6) надписи на печатях, ярлыках и т. д.; 7) тексты, не входящие в вышеупомянутые группы.

Угаритские слова, дошедшие до нас в аккадской слоговой клинописи, не составляют связных текстов (известны из глосс, лексических списков и т. п.). Все они собраны и проанализированы в специальном исследовании Дж. Хюнергарда.

1.3.3. Первые тексты на У.я. были обнаружены в 1929 г. французскими археологами под руководством К. Шэффера и дешифрованы Г. Бауэром, П. Дормом и Ш. Виролло в 1930–1931 гг. Последнее издание КТУ включает 1409 текстов. Продолжающиеся и по сей день раскопки постепенно расширяют имеющийся в распоряжении ученых текстовый корпус.

Таблички с угаритскими текстами хранятся в настоящее время в музеях Дамаска и Алеппо (Сирийская Арабская Республика) и в Лувре.

На сегодняшний день У.я. может с полным правом считаться одним из самых изученных древних семитских языков, а угаритология — наиболее современной и развитой отраслью семитологии. Практически все угаритские тексты компактно изданы в одном томе М. Дитрихом, О. Лоретцем и Х. Санмарином (второе издание КТУ). Угаритско-английский словарь Г. дель Ольмо Лете и Х. Санмартина является одним из самых подробных и отвечающих современным лексикографическим требованиям семитских словарей, в то время как угаритская грамматика Й. Троппера (на которой в значительной степени основывается настоящее описание) содержит более тысячи страниц всестороннего синхронного и диахронного описания У.я. Исследования в области угаритологии публикуются, в частности, в издающемся в Мюнстере (Германия) специальном журнале “Ugarit-Forschungen”. Изучение и преподавание У.я. ведется во многих научных центрах Германии, Великобритании, США, Испании, Нидерландов, Франции, Италии, Израиля. В России У.я. преподается студентам ассириологии и иврита в Институте восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

1.4.0. Угаритские тексты (а также небольшое количество происходящих из Угарита документов на хурритском и аккадском языках) записаны особым клинообразным алфавитом, состоящим из тридцати знаков. Принято считать, что этот алфавит восходит к древнейшим западносемитским алфавитным знакам («протосинайское» и

«протоханаанское» письмо) и является их адаптацией для письма на глине, необходимость которой была обусловлена вхождением Угарита в орбиту месопотамской клинописной цивилизации. Порядок символов известен из особых алфавитных табличек и выглядит следующим образом:

ʔa b g ḫ d h w z ḫ t y k š l m ḏ n t s ʔ p š k r t γ t ʔi ʔu š

Характерной особенностью угаритского алфавита, по сравнению с другими западносемитскими системами письма, является использование трех разных знаков для обозначения гортанного взрыва с последующими гласными *ā*, *ī* и *ū* (в транслитерации *ʔa*, *ʔi*, *ʔu*). Среди примеров, подтверждаемых формами в слоговой записи, см. *ʔadn* [ʔadānu] ‘отец’ (в слоговой записи *a-da-nu*), *ʔišd* [ʔišdu] ‘основание’ (*iš-du*), *ʔuhry* [ʔuhṛāyu] ‘конечный’ (*uh-ra-a-yi*). В других случаях орфографические данные подкреплены морфологическими и лексическими параллелями из родственных языков: *mlʔak* [malʔaku] ‘посланник’ (др.-евр. *malʔāk*), *mʔat* [miʔātu] ‘сотни’ (общ.-сем. показатель мн. ч. ж. р. **-āt-*), *ʔirt* ‘грудь’ [ʔir(a)tu] (аккад. *irtu*), *tʔi* [tʔiʔi] ‘выходи’ (общ.-сем. показатель императива ж. р. **-ī*), *ʔudn* [ʔudnu] ‘ухо’ (араб. *ʔudn-*), *nšʔu* [našaʔū] ‘они подняли’ (общ.-сем. показатель перфекта мн. ч. м. р. **-ū*).

Знаком *ʔi* обозначался также гортанный взрыв с последующим *e*: *ʔib* [ʔebu] ‘враг’ (*e-bu*). Предполагают, что знак *ʔu* использовался для передачи *ʔo*.

Спорным остается вопрос об обозначении гортанного взрыва, закрывающего слог (*ʔ0*). Как правило, для этой цели использовался знак *ʔi*, вне зависимости от предшествующего гласного: *šʔin* [šaʔnu] ‘мелкий рогатый скот’ (ср. араб. *daʔn-*), *šʔir* [šiʔru] ‘мясо’ (*ši-i-ru*), *sʔin* [suʔnu] ‘край (одежды)’ (ср. аккад. *sūnu*). Эта гипотеза объясняет большинство случаев, однако некоторые примеры ей противоречат. Так, слово ‘беседа’, по морфологическим соображениям реконструируемое как [taʔnītu], вместо ожидаемого написания **tʔint* выступает в виде *tʔant* или *tʔunt*. Столь же неожиданно выглядит термин для дикого быка *rʔum*, по сравнительным данным реконструируемый как **riʔm-* (араб. *riʔm-*, аккад. *rīmu*).

Кроме знаков *ʔa*, *ʔi*, *ʔu*, угаритское письмо не знало регулярных способов обозначения гласных фонем. Известны случаи использования знака *u* для передачи гласных *i* (в большинстве случаев долгого) и *e* (см., например, частотные в письмах написания *ḫu* и *bu* для предлогов *l* [lē] ‘к’ и *b* [bī] ‘в’). В очень редких случаях для передачи *ū*, возможно, использовалась графема *w*.

Для разделения слов в угаритском письме обычно используется специальный клин-словоразделитель. Его использование довольно последовательно (в том числе и для однобуквенных слов), однако нередко отделяются элементы, с лингвистической точки зрения не составляющие полноценного слова (например, показатель *-nt* в глагольных формах, двухбуквенные местоименные энклитики).

Около 300 угаритских словоформ известны в аккадской слоговой клинописи (слова из угаритской колонки четырехязычного шумерско-аккадско-хурритско-угаритского глоссария, западносемитские слова в аккадских текстах из Угарита, в том числе формы, эксплицитно помеченные как иноязычные с помощью так называемого «глоссового клина»).

1.5.0. В настоящее время практически невозможно сделать какие-либо выводы об истории У.я., так как корпус текстов весьма гомогенен. Предположения об известном архаизме отдельных произведений см. в 1.2.1.

1.6.0. Иноязычное влияние на У.я. прослеживается, главным образом, в виде лексических заимствований. Преобладание необычного для западносемитских языков порядка слов SV в письмах и аподосисах гадательных текстов может объясняться аккадским влиянием.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В области консонантизма 27 из 29 прасемитских фонем регулярно соотносятся с графемами угаритского письма (полностью утрачены лишь латеральные сибиллянты *š и *ṣ). О фонетическом облике угаритских фонем известно очень мало, поэтому содержащиеся в нижеследующей таблице значения должны пониматься в основном как условные.

С о г л а с н ы е

По способу образования		По месту образования									
		Лабильные	Дентальные	Ингердентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Фарингальные	Ларингальные	
Шумные	Смычные	Гл.	p	t				k			ʔ
		Зв.	b	d				g			
		Эмф.		t̰				k̰			
	Щелевые	Гл.		s	t	š			ħ	ħ	h
		Зв.		z	d̰				ʕ	ʕ	
		Эмф.		s̰	t̰						
Сонорные	Назальные		m	n							
	Латеральные			l							
	Вибранты			r							
	Глайды		w				y				

Прасемитское *d лишь изредка отражается как d (регулярно в тексте 1.12, в остальном корпусе — в отдельных лексемах, таких как *dnb* 'хвост', *qrʕ* 'рука', *hdd* 'ливень'). Как правило, эта прасемитская фонема переходит в d (см. в слоговой передаче *da-ab-ḥu* 'жертва' < прасем. **dbh* 'зарезать (жертву)', *da-ka-ru* 'мужчина' < прасем. **dakar-*).

Как показал Й. Троппер, гипотеза об аффрикативной реализации прасемитских *s, *z и *ṣ ([c], [z], [c]) и связанная с ней интерпретация *š как [s] применимы к У.я. Среди внутренних свидетельств в пользу этой фонетической интерпретации см. форму *mḥšt* 'я сразила' от корня *mḥs*, в которой наблюдается переход сочетания *st в št (в аффрикативной интерпретации — [çt] > [st]), хорошо известный из аккадского языка. К внешним свидетельствам относится, например, передача хеттского согласного z (фонетическая интерпретация которого как аффрикаты [ç] является общепринятой) угаритским s.

Редкая графема š (встречается только в нелитературных текстах, часто в лексемах иноязычного или неясного происхождения), по всей видимости, не обозначала особой фонемы. Спорадические чередования с s (*kš/sʔu* 'трон', *š/sš/sw* 'лошадь', *š/skn* 'администратор') показывают, что речь идет о фонетическом или орфографическом

варианте этой фонемы (по мнению Й. Троппера, употребление данной графемы было призвано подчеркнуть аффрикативный характер *s*).

В тексте 1.12 встречаются формы *ʔi* 'выходи' и *yḥk* 'он засмеялся', в которых прасем. *š отражается как *ʔ* вм. обычного *ṣ*. Возможно, речь идет о пережиточном сохранении в этом тексте эмфатического латерального сибиланта.

Фонема *t* может соответствовать не только *t, но и *š, например, *ḥtb(n)* 'счет' vs. араб. *ḥsb*, арам. *ḥšb* 'считать'. Этим объясняется существенно более высокая частотность *t* в У.я. по сравнению с другими семитскими языками.

В нескольких случаях наблюдается колебание между *t* и *ṭ* в качестве рефлексов *t (*ṭpn* наряду с *lṭpn* 'милостливый', *ṭhr* наряду с *thr* 'чистый').

В нескольких случаях *ṣ* соответствует прасем. *t (*nṣr* 'хранить' < *nṭr, *ṣr* 'гора' < *tVr(r)-, *ṣm?* 'жаждать' < *ṭm?, ср. *mṭm?u* 'жаждущий'). Увулярная артикуляция рефлекса *t подтверждается слоговой передачей (*na-ḥi-ru-[ma]* 'сторожа').

Как и в других северозападносемитских языках, в У.я. наблюдается повсеместный переход *w- > y-. В то же время в отличие от остальных языков этой группы, *w- сохраняется не только в сочинительном союзе *w*, но и в полнозначных лексемах *wṭ* 'плевать' и *wld* 'рожать'. Если справедлива точка зрения, согласно которой речь идет об инфинитивах D-породы ([wuppaṭu], [wulladu]), условием для сохранения *w-* мог быть следующий за ним гласный *-u-*.

Знаки для гортанного взрыва с гласными и данные слоговых записей свидетельствуют о сохранении в У.я. шести прасемитских г л а с н ы х фонем (*a, i, u, ā, ī, ū*). Из слоговых записей выводится существование гласного *e* (происходящего из *au и, возможно, фонетически долгого): *ʔib*, *e-bu* [ʔebu] 'враг', *ḥé-ku* [ḥeku] 'лоно'. В У.я. предполагают также существование фонемы *o* (< *aw), однако эксплицитных свидетельств в пользу такой возможности нет, поскольку слоговая клинопись обычно не различает *o* и *u*.

2.1.2. Свидетельств о просодии У.я. нет. Гласные, вероятно, противопоставлялись по долготе. В угаритологии получила распространение заимствованная из ассириологии практика, по которой знак долготы используется для обозначения исторически долгих гласных и долгот, возникших в результате стяжения дифтонгов. Для обозначения долгот, возникших в результате стяжения трифтонгов, используется циркумфлекс. По мнению некоторых авторов, долготы этих двух типов могли отличаться фонетически (например, акцентуально). Поскольку данные слоговых записей (плеонаписания типа *ša-du-u* [šadû] 'поле') в этом отношении очень скудны, такой вывод кажется малообоснованным. Вследствие этого долготные противопоставления типа *ī* vs. *î* в настоящей статье не проводятся.

2.1.3. В У.я. наблюдается спорадическое оглушение звонких смычных, в первую очередь *b*: *ṭky* 'ты плачешь' (< *bky* 'плакать'), *lpš* (также *lbš*) 'одежда' (< *lbš* 'одевать(ся)'), *nṣk* 'источник' (также *nbk*). Во всех известных примерах за *b следует глухой согласный, что позволяет интерпретировать это явление как контактную ассимиляцию по глухости. Нельзя исключать, что данный процесс имел регулярный (автоматический) характер, но не всегда находил отражение на письме.

Встречающееся в литературе мнение, по которому для У.я. типичен и обратный процесс (озвончение глухих смычных перед звонкими и в интервокальном положении) не находит достаточного подтверждения: так, одним из немногих надежных примеров на озвончение является форма *šbh* 'потомство' (вм. обычного *šph*), где за этимологическим *p* следует глухой *h*. Следует отметить, что примеры типа *bḥl* 'ра-

ботать' vs. прасем. *pʃl имеют лишь диахронное значение и не свидетельствуют об озвончении как о синхронно действующем процессе. С другой стороны, Дж. Хюнергард отмечает, что использование знаков с начальным звонким на месте этимологического глухого наблюдается обычно в интервокальной позиции (*ma-ad-da-DU* 'мера', *ku*²-*BA-ra-tu* 'чаши'), что может являться аргументом в пользу интервокального озвончения.

Сведения о комбинаторных изменениях в области вокализма очень ограничены из-за скудости вокализованного материала. У.я. демонстрирует тенденцию к гармонии гласных, которая выражается, в первую очередь, в спорадическом уподоблении краткого *a* в закрытом слоге с геминатой содержащемуся в следующем слоге долгому *ī* или *ū*. Среди примеров, дошедших в алфавитной передаче, см. *?ibr* [ʔibbīru] 'бык' и *?ulp* [ʔullūru] 'начальник' (ср. др.-евр. *?abbīr* и *?allūp*). Возможные примеры, дошедшие в слоговой записи, включают в себя формы *ṣī-(ib)-bi-ri* [ṣibbīri] 'общинная земля (?)', *ḥe-en-ni-ṣu* [ḥenniṣu] (< *ḥanniṣu) 'поросенок'. Кроме того, надежно засвидетельствовано уподобление кратких гласных *a*, *i* долгому гласному следующего слога, если этот слог начинается с гуттурального: *tu-ū-ru* [tuhūru] 'чистый' (< *ṭahūru), *ta-a-ma-tu₄* [tahāmatu] 'бездна' (< *tiḥāmatu, ср. араб. *tihāmat*-). Среди форм, дошедших в алфавитной передаче, заслуживают упоминания формы словоизменения лексем *?aḥ* 'брат' в сопряженном состоянии, довольно регулярно выступающие как *?uḥ* [ʔuḥū-] в именительном падеже и *?iḥ* [ʔiḥī-] — в родительном падеже.

Предполагают, что в соседстве с сонантами гласные *ī* могли выступать в виде аллофонов *ē*: *me-te* [meʔte] 'двести', *ḥa-me-ti* [ḥāmeti] 'стена', *ḥe-en-ni-ṣu* [ḥenniṣu] 'поросенок'.

2.1.4. Сведения о слоговой структуре скудны. Как показывают данные слоговых записей, на У.я., вероятно, распространялись обычные для семитских языков запреты на двусогласные кластеры в начале и конце слова и трехсогласные — повсеместно. Довольно хорошо засвидетельствована спорадическая синкопа краткого гласного во втором от начала открытом слоге (вероятно, предупредительном): *ma-sa-wa-tu/ma-ās-wa-tu* [mas(a)wātu] 'кипарисы (?)', *na-bá-ki-ma/na-ab-ki-ma* [nab(a)kīma] 'источники', *[ḥ]a-ma-ru-m[a]/ḥa-am-ru-ma* [ḥam(a)rūma] 'ученики, подмастерья'. Убедительным примером такого рода в алфавитной записи являются варианты *rʔaštrʔašm/rʔiš* [raʔašātu]/[raʔašūma]/[raʔšātu] для формы множественного числа слова *rʔiš* 'голова'.

Удвоение согласных должно было иметь большое значение в лексических и морфологических оппозициях У.я., однако сведений о нем довольно мало из-за скудости слоговых записей и непоследовательности в передаче геминации, свойственной клинописи (по наблюдениям Дж. Хюнергарда, примерно в половине случаев ожидаемая в угаритских формах геминация в слоговой записи не отражена).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Структура первичных именных основ известна недостаточно из-за ограниченности данных о вокализме. По количеству корневых согласных первичные имена могут быть классифицированы на двусогласные (*yd* 'рука', *?ab* 'отец', *dm* 'кровь'), трехсогласные (*klb* 'собака', *?pr* 'земля, прах', *?abn* 'камень') и четырехсогласные (с четырьмя разными согласными, например, *?irby* 'саранча', *?rpl* 'облако', 'туман' и с редуцированным двусогласным элементом, например, *kbkb* 'звезда', *ḥdḥd* 'череп', *?rʔr* 'тамариск'). В последнем типе основ спорадически наблюдается синкопа второго корневого согласного, как в *ššrt* 'цепь', *mmʔ* 'мозг', *ggn* (наряду с *gngn*) 'внутренности'. Несколько имен в консонантной записи выступают как односогласные

(*g* ‘голос’, *p* ‘рот’, *š* ‘овца’), однако есть основания полагать, что за этим согласным следовал (сверх)долгий гласный, диахронически отражающий стянутый трифтонг с центром в виде второго радикала *w* или *y* (*š* [*ššū] ‘овца’ < *šāw-u).

На основании дошедших до нас сведений о вокализме можно выделить следующие типы консонантно-вокалических основ первичных имен (перечисляются по преимуществу незаимствованные и надежно засвидетельствованные слова; основы, расширенные показателем женского рода *-(a)t-* приводятся вместе с соответствующими нерасширенными основами; для форм, не сохранившихся в единственном числе номинатива, нормализуется только основа):

ḳal- — *?amt* [ʔam-(a)t-u] ‘рабыня’, *ḳa-aš-tu*₄ [ḳaš-t-u] ‘лук’;

ḳil- — *?il* [ʔilu] ‘бор’, *?išt*, *iš-tu*₄ [ʔišt-t-u] ‘огонь’, *?irt* [ʔir-(a)t-u] ‘грудь’, *n?it*, *ni-?tu* [niʔtu] ‘топор (?)’;

ḳel- — *ḥé-ḳu* [ḥeḳu] ‘лоно’;

ḳol- (?) — *yu(PI)-mu* [yomu] ‘день’, *ú-ra-tu* [ʔor-] ‘шкура’, *?uz* [ʔozu] ‘гусь’;

ḳatt- — *?ap*, *ap-pu* [ʔappu] ‘нос’ (< *ʔanp-); вероятно, сюда же относятся *?amt* ‘локоть’, *?att* ‘женщина, жена’ (предположительно [ʔamm-at-u], [ʔatt-at-u] < *ʔant-at-u);

ḳutt- — *?um* [ʔummu] ‘мать’ (ср. также *?umt*, *um-ma-ti* ‘клан, род’), *pu-wa-tu*₄ [puwwatu] ‘марена (красящее растение)’ (ср. араб. *fuwwat-*);

ḳāl- — *ša-a-i* [šāʔ-] ‘чаша’;

ḳatl- — *?arš*, *ar-šu* [ʔaršu] ‘земля’, *?arz*, *ar-zu* [ʔarzu] ‘кедр’, *ba-a-lu* [baʔlu] ‘господин’, *kàs-pu* [kaspu] ‘серебро’, *ab-du* [ʔabdu] ‘раб’, *ša-ap-šu* [šapšu] ‘солнце’, *ma-al-ku* [malku] ‘царь’, *šap-ḥu* [šapḥu] ‘потомок’;

ḳitl- — *?išd*, *iš-du*₄ [ʔišdu] ‘нога, основание’, *ri-i[g]-lu* [riglu] ‘нога’, *š?ir*, *ši-i-ru* [šiʔru] ‘мясо’, *ti-ib-nu* [tibnu] ‘солома’, *?inš* [ʔinšu] ‘народ, люди’;

ḳutl- — *?udn* [ʔudnu] ‘ухо’, *?ušk* [ʔušku] ‘яичко’, *úr-nu* [ʔurnu] ‘лавр’, *s?in*, *su-nu* [suʔnu] ‘бахрома, край’;

ḳatal- — *da-ka-ru* [dakaru] ‘мужчина, самец’, *šá-ḥar-tu* [šáʔartu] ‘шерсть’ (с диахронической точки зрения попадание данной лексемы в этот тип основ вторично). Отчасти по сравнительным данным к этому типу могут также быть отнесены существительные *?adm* [ʔadamu] ‘человек, человечество’ (др.-евр. *ʔādām*), *?asm* [ʔasamu] ‘амбар, склад’ (др.-евр. *ʔāsām*). Ср. также *ša-du-ú* [šadū] ‘поле’ (< *šadayu) и *ša-mu-ma* [šamūma] ‘небо’ (pluralia tantum; < *šamayūma, ср. др.-евр. *šāmayim* vs. араб. *samāʔ-* с долгим *-ā-*);

ḳatil- — *ka-bi-[du]* [kabidu] ‘печень’, вероятно, также *ḳa-ri-t[u]*₄ [ḳarītu] ‘город’ (< *ḳariy-t-u);

ḳatāl- — *?adn*, *a-da-nu* [ʔadānu] ‘отец’, *la-ša-nu* [lašānu] ‘язык’, *ta-a-ma-tu*₄ [tahām-at-u] ‘океан, бездна’. Отчасти по сравнительным данным к этому типу может быть отнесена лексема *?atn* [ʔatānu] ‘ослица’ (др.-евр. *ʔātōn*), а также, вероятно, существительное *?arn* [ʔarānu] ‘ящик’ (в противоположность др.-евр. *ʔārōn* < *ʔirān-, араб. *?irān-*);

ḳutīl- — *ḥu-zi-rù* [ḥuzīru] ‘свинья’;

ḳattal- — *?ayl* [ʔayuvalu] ‘олень’;

ḳuttāl- — *tu-un-na-nu* [tunnānu] ‘змея’;

ḳittīl- — *ḥe-en-ni-šu* [ḥinnīšu] ‘поросенок’;

ḳuttīl- — *u-šú-ru* [ʔuššūru] ‘птица’.

Глагольные корни У.я. чаще всего имеют три согласных. Количество четырехсогласных глагольных корней очень незначительно: редуцированные двусогласные корни (*krkr* ‘хрустеть пальцами (?)’, *kṭkt* ‘красться, ползать’); глагол *šhrr* ‘жечь’ с редупликацией третьего корневого согласного; два глагола, где все четыре согласных различны (*prsh* ‘обрушиться’ и *grdš* ‘надломиться’).

О структуре основных типов производных имен см. 2.5.2.

2.2.2. Аффиксальные морфемы У.я. (исключая местоименные энклитики) состоят из обычного для семитских языков узкого набора согласных (*m, n, ʔ, š, t, y*), в то время как корневые морфемы могут включать в себя любые согласные. Исследований по сочетаемости согласных в составе глагольных корней не проводилось.

2.2.3. Сочетания согласных *w* и *y* с гласными часто бывают неустойчивы и стягиваются. Часть таких преобразований имеет лишь диахроническое значение (сюда относится, например, повсеместное стяжение **ay > e* и **aw > o*, см. примеры в 2.1.1.). В тех случаях, когда формы со стяжением или сохранением таких сочетаний чередуются на синхронном уровне, действуют следующие правила:

— сочетания **iyC* и **uwC* подвергаются стяжению, например, *hmt, ha-me-ti* [hāmītu] ‘стена’ (< **hāmiyu*, ср. мн. ч. *hmyt* [hāmiyātu]);

— сочетания **yV* и **wV* всегда сохраняются в начале слова (в последнем случае имеются в виду те немногие примеры, где *w-* не переходит в *y-*); в неначальной посконсонантной позиции чаще встречаются нестянутые формы (*ma-ās-wa-tu* [maswātu] ‘кипарисы’, *ṭrw, šú-ur-wu* [ṭurwu] ‘вид ароматического вещества’, *gdy* [gadyu] ‘козленок’);

— стяжение или сохранение сочетаний **-Vw/yV-* определяется рядом факторов (по мнению некоторых авторов, во многих позициях имеет место свободное варьирование). Более или менее надежно сохраняются сочетания **-uwā-* (*hw, ú-wa* [huwa] ‘он’, *ṭrw* [ṭaruwat] ‘она была оголена’), **-iyV̄-* (*l ʔapy* [le ʔāriyi] ‘для пекаря’, *tmnym* [tamāniyūma/tamāniyūma] ‘восемьдесят’), обычно также *-ā/-īyV̄-* (*ʔuhry, uh-ra-a-yi* [ʔuhriyi] ‘конец, участь’). Довольно регулярно стягиваются сочетания **-aw/yV̄-* (*šd, ša-du-ú* [šadū] ‘поле’ < **šadayu, hu-wu-ú* [huwwū] ‘спасать’ < **huwwayu*), хотя в глагольных парадигмах весьма частотны исключения.

Другие исторические чередования в основном связаны с контактной ассимиляцией согласных.

— *n* обычно сливается с непосредственно следующим за ним согласным: *tt* ‘две’ ([tittā], м. р. *tn*), *ytḳ* ‘он укусил’ ([yatṭuk] < *ntḳ*), *yšʔu* ‘он поднимает’ ([yiššaʔu] < *nšʔ*). Это явление засвидетельствовано практически перед всеми согласными, не исключая гуттуральных: *ma-a-al-tu*₄ ‘засов’ ([maʔʔaltu] < **nʔl*), *ṭyr* ‘пусть хранят’ ([taṭyrgū] < *nyr*). В последнем случае, возможно, имеются несколько исключений. Регулярное отсутствие ассимиляции наблюдается в формах суффиксального спряжения с суффиксами на *-t* у глаголов III: *ynt* ‘ты дал’, *šknt* ‘ты установил’. См. также несколько именных лексем, таких как *šnt, ša-an-tu*₄ ‘год’, *ʔalmnt* [ʔalmantu] ‘вдова’.

— В формах основной породы от глагольного корня *lkḥ* ‘брать’ сочетание **-lk-* переходит в *-kk-*: *yḳḥ* ‘он взял’ [yikḳaḥ]. См. также производное от этого корня имя *mḳḥm* ‘щипцы’ (в слоговой записи *ma-ka-ḥa*).

— Каузативный показатель *š* переходит в *t* перед корневым *t* (*ttb* ‘возвращать’ < *twb, ttb* ‘сажать’ < *ytb*).

— *d* сливается с *t* в именных и глагольных показателях женского рода (*-dt- > -tt-*): *ʔaḥt* ‘одна’ (при *ʔaḥd* ‘один’), *ylt* ‘они обе родили’ (< *yld*).

Вокалические структуры, участвующие в глагольном и именном словообразовании и словоизменении, в данном описании трактуются как прерывистые морфемы (трансфиксы), а не как чередования аблаутного типа. В то же время, чередованием $\emptyset \sim a$ уместно считать вставку *-a-* между вторым и третьим согласными «сеголатных» имен при образовании множественного числа (2.3.3.).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

У.я. в целом характеризуется как консервативный семитский язык, в полной мере отражающий «классический семитский языковой тип» (синтетический строй при почти полном отсутствии аналитических черт, большая роль «внутренней агглютикации»-трансфиксации в словообразовании и словоизменении).

2.3.1. В У.я. принято выделять следующие части речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие, числительное, местоимение, предлог, союз, частица, междометие.

2.3.2. Категория рода присуща существительным (классифицирующий род), прилагательным, числительным, личным и относительным местоимениям, глаголам (согласовательный род).

Мужской род у имен немаркирован. Основной показатель женского рода в алфавитной передаче имеет вид *-t*. Как показывают данные слоговых записей, этот показатель выступал в виде двух алломорфов, *-at-* и *-t-*. У основ с исходом на два согласных всегда используется первый алломорф (*ḥu-ul-ma-tu₄* [γulmatu] ‘тьма (?)’, [*ḥ*]u-wa-tu [ḥuwatu] ‘страна’, ra-ba-ti [rabbati] ‘большая’); сюда же относят единственный известный пример основы на $\bar{V}C$ - (*ta-a-ma-tu₄* [tahāmatu] ‘бездна’). Принято считать, что при основах с исходом на один согласный могли встречаться оба алломорфа, однако практически все надежные примеры из слоговых текстов содержат *-t-*: *ḥka¹-aš-tu₄* [ḥkaštu] ‘лук’, *šá-ḥar-tu* [šaḥartu] ‘шерсть’. Косвенные данные алфавитных текстов в этом плане довольно малоинформативны: так, отсутствие ассимиляции *-nt- > -tt-* в таких лексемах, как *šnt* ‘год’ и *ʔalmnt* ‘вдова’, не является решающим аргументом в пользу присутствия в них алломорфа *-at-* (ср. *ša-an-tu₄* ‘год’ в слоговой передаче с эксплицитно переданным на письме кластером *-nt-*).

В словах *nḥmu* ‘благо’ и *nšḥu* ‘победа’ аффикс *-u* может интерпретироваться как показатель женского рода, аналогичный арабскому *-ā < *-ayu* (*ʔalif maḥṣūrah* в словах типа *bušrā* ‘благая весть’).

Как и в других семитских языках, имеется ряд существительных, требующих согласования в женском роде, но не имеющих формального его показателя. Помимо ожидаемых в этом качестве лексем, обозначающих существа женского пола (*ʔum* ‘мать’, *ʔarḥ* ‘корова’) и парные части тела (*yd* ‘рука’, *pḥn* ‘нога’), можно отметить, например, слова *ʔany* ‘корабль’ (*ʔanykn dt lʔikt mšrm* ‘корабль, который (ж. р. dt) ты послал в Египет’, 2.38:10) и *ksʔu* ‘трон’ (*tḥrk ksʔu* ‘будет приготовлен трон’, 1.106:28).

Во множественном числе существительные мужского рода в основном имеют показатель *-m*, существительные женского рода — показатель *-t*. Как и в других семитских языках, это соответствие иногда нарушается (см. 2.3.3.).

Обозначение рода у прилагательных отличается лишь тем, что наличие маркеров \emptyset vs. *-t* [-(a)t] в единственном числе и *-m* vs. *-t* [-āt] во множественном числе имеет обязательный характер, также как и их строгое соотношение с мужским или женским родом существительного в единственном числе.

О выражении категории рода у глаголов, местоимений и числительных см. 2.4.0.

2.3.3. Категория ч и с л а присуща существительным, прилагательным, глаголам, личным и указательным местоимениям. Выделяются три числа: единственное, множественное и двойственное.

Единственное число существительных и прилагательных немаркировано.

Существуют два показателя множественного числа, в целом соотносимые с мужским и женским родом. Множественное число мужского рода, вероятно, имело вид им. п. [-ūma]/косв. п. [-īma] в status absolutus и им. п. [-ū]/косв. п. [-ī] в status constructus. Некоторые примеры в алфавитной и слоговой передаче: *mrʔu(m)*, *mur-ū(-ma)* [murʔū(ma)] ‘начальники (?)’, *rpʔi*, *rpʔum*, *rpʔim* ‘обожествленные предки’; *llʔim* ‘козлята’, *ia-ši-ru-ma* [yašigūma] ‘горшечники’, *ša-mu-ma* [šamūma] ‘небеса’. Дважды в status absolutus зафиксировано -n вм. -m (*bi-da-lu-na* ‘торговцы’, наряду с *bi-da-lu-ma*, и *kšmn* ‘вид пшеницы’, наряду с *kšmm*). По мнению Дж. Хюнергарда, речь в этих случаях должна идти о словоформах, записанных носителями других семитских языков и не отражающих какой-либо вариативности или дублетности внутри У.я.

Множественное число женского рода образуется присоединением показателя -āt к основе: *ma-sa-wa-tu/ma-ās-wa-tu* [mas(a)wātu] ‘кипарисы’, *ū-ra-tu* [ʔorātu] ‘шкуры (?)’, *mʔat* [miʔāt-] ‘сотни’, *ksʔat* [kussiʔāt-] ‘троны’. При этом показатель единственного числа женского рода -(a)t выпадает.

При присоединении показателей множественного числа к именам некоторых морфологических классов (а также к некоторым отдельным лексемам) в основе этих имен наблюдаются чередования.

Наиболее известным из таких чередований является вставка -a- между вторым и третьим корневыми согласными «сеголатных» имен *kVtl-*, хотя количество показательных примеров (в которых ясен вокализм как единственного, так и множественного числа) невелико: *rʔiš* [raʔšū] ‘голова’ — мн. ч. *rʔašm/rʔašt* [raʔašūma/raʔašātu], возможно также *miʔd* [muʔdu] ‘множество’ — мн. ч. *mʔadt* [muʔadātu]. В то же время как в слоговой, так и в алфавитной передаче известно довольно большое количество форм множественного числа с -a-, для которых с большой вероятностью следует постулировать «сеголатную» форму единственного числа: *pʔamt* [paʔamātu] ‘разы’ (ед. ч. **paʔm-*), *ma-sa-wa-tu* [masawātu] ‘кипарисы’ (ед. ч. **maswat-*), *na-bá-ki-ma* [nabakīma] ‘источники’ (ед. ч. **nabk-*), *[k]a-ma-ʔa-tu* [kamaʔātu] ‘трюфели’ (ср. аккад., араб. *kamʔat-*). В ряде случаев ожидаемая вставка -a- во множественном числе отсутствует, причем для некоторых из таких примеров известны дублетные формы со вставкой: *rʔišť* [raʔšātu] ‘головы’ (наряду с *rʔašm/rʔašt* [raʔašūma/raʔašātu]), *ma-ās-wa-tu* [maswātu] ‘кипарисы’ (наряду с *ma-sa-wa-tu* [masawātu]). Это явление объясняется либо тенденцией к отмиранию описанного чередования, либо синкопой предупредительного гласного.

Другим чередованием, связанным с образованием форм множественного числа, является появление неэтимологического -h-, предшествующего показателю множественного числа -t, в основах ряда существительных (главным образом двусогласных): *ʔamt* ‘рабыня’ — мн. ч. *ʔamhť* [ʔamahāt-], *ʔum* ‘мать’ — мн. ч. *ʔumhť* [ʔummahāt-], *ʔilt* ‘богиня’ — мн. ч. *ʔilhť* [ʔilahāt-], *kr(y)t* ‘город’ — мн. ч. *krhť* [krahāt-]. Определенное сходство с данным явлением демонстрирует образование множественного числа у существительного *bt* ‘дом’ (*bhtm* [bahatūma], с неясным вариантом *bwtm*).

Множественное число слова *šy* ‘дерево’ (*šym*) в слоговой записи имеет вид *iš-šu-[ma]*. Нельзя исключать, что геминация второго корневого согласного в этой форме имеет ту же природу, что и в родственном аккадском слове *išu* (мн. ч. *iššū*).

Слово *tu* (*mh*) 'вода' наряду с регулярной формой множественного числа *tum* имеет также форму *mm* [metū] (ср. др.-евр. *mētē*), засвидетельствованную перед местоименным суффиксом (*mm-h*) в 1.16 I 27.

Ассимилированный последующим согласным *-n* может проявляться во множественном числе: *bt* [bittu] 'дочь' (< **bin-t*, араб. *bint*-) — мн. ч. *bnt* [banātu] (ср. др.-евр. *bānōt*, араб. *banāt*-).

В ранней литературе по угаритологии была распространена точка зрения, по которой в У.я. спорадически встречается «ломаное множественное» арабского типа. Это предположение необоснованно: в единственном заслуживающем внимания примере формы *dmʕt* и *ʔudmʕt* не противопоставлены по числу и могут быть убедительно истолкованы как варианты формы множественного числа со значением 'слезы'. Появление *ʔu-* в анлауте второй формы нуждается в объяснении, но почти наверняка не является особой морфемой множественного числа.

Как отмечалось выше, однозначная соотнесенность между выбором показателя множественного числа и родом наблюдается лишь у прилагательных: *gdlm* 'большие' (при существительных, требующих согласования по мужскому роду в единственном числе) vs. *mrʔat* 'откормленные' (при существительных, требующих согласования по женскому роду в единственном числе). У существительных соотнесенность показателя множественного числа с родом в единственном числе также присутствует, но с некоторым количеством исключений в сторону вытеснения показателя *-m* показателем *-t*. Последний употребляется:

— со всеми существительными с выраженным показателем женского рода в единственном числе (ед. ч. *t-štkl ʔil-t* 'спустилась богиня' в 1.3 II 18 vs. мн. ч. *ngr-t ʔilh-t* 'вестницы-богини' в 1.16 IV 8). Надежные примеры исключений очень редки (*hʔ-t* 'пшеница' — мн. ч. *hʔ-m*);

— с большей частью существительных женского рода, которые не имеют внешнего показателя рода в единственном числе (*pʕn* 'нога', ср. ед. ч. в *kʕr-t pʕnh* 'нога его коротка', 1.103+:39 и мн. ч. *pʕn-t* в *wʔi[n] pʕn-t bh* 'нет у него ног', строка 52 того же текста). В данном случае, однако, имеется некоторое количество исключений. Ср. *ʔarz* 'кедр' (*t-ʕd ʔarz bymnh* 'вылетает древко (букв. 'кедр') из десницы его' (1.4 V 10) — мн. ч. *ʔarz-m*; *ʔuz* 'гусь' (*ʔuz mrʔa-t mlh-t* 'один откормленный засоленный гусь') — мн. ч. *ʔuz-m* (*ʔarbʕ ʔuz-m mrʔa-t* 'четыре откормленных гуся'); *ʕsr* 'птица' (в списке жертвоприношений 1.48 упоминаются *ʔarbʕ ʕsr-m* 'четыре птицы', по одной — *ʔaht*, ед. ч. ж. р. — для каждого божества);

— как принято считать, с весьма значительным числом существительных мужского рода, в основном обозначений предметов и абстрактных понятий. Эту точку зрения трудно строго доказать из-за ограниченности текстового корпуса. Единственным несомненным примером следует считать слово *lhn* 'стол' (м. р. в *lhn ʔil d-mlʔa mmm* 'стол Илу, полный видами (зверей)', 1.4 I 38 при мн. ч. *lhn-t*, хотя следует отметить и форму *lhn-m* в 1.3 II 30, не вполне убедительно квалифицируемую Й. Троппером как двойственное число).

Некоторые существительные засвидетельствованы с обоими показателями множественности (*rʔiʕ* 'голова' — мн. ч. *rʔaʕm/rʔaʕt*; *ym* 'день' — мн. ч. *ymm/ymt*).

Некоторые примеры *pluralia tantum*: *pn-m* 'лицо', *ʕm-m* 'небо', *lh-t* 'послание'.

У.я. сохранил продуктивное употребление двойственного числа (см. такие полноценные оппозиции, как *pʕn* 'нога' — дв. ч. *pʕn-m* — мн. ч. *pʕn-t*). Характер алфавитной записи таков, что у большинства основ двойственное число неотличимо от множественного числа мужского рода (*-m* в *status absolutus*, *-0* в *status constructus*). Таким

образом, лишь у имен с множественным числом на *-t* формы двойственного числа на письме отличны от форм множественного числа: *m?i-t* [mi?-t-u] ‘сотня’ — дв. ч. *m?i-t-m* [mi?-t-emV] ‘две сотни’ — мн. ч. *m?a-t* [mi?-āt-] ‘сотни’ (см. также *?il-t* [ʔil-t-u] ‘богиня’ — дв. ч. *?il-t-m* [ʔil-t-emV] — мн. ч. *?ilh-t* [ʔilah-āt-] и *b-t* [bittu] ‘дочь’ — дв. ч. *bt-m* [bitt-emV] — мн. ч. *bn-t* [ban-āt-]).

Вокализация показателей двойственного числа известна из слоговой передачи. В status constructus это *-ā* в именительном падеже, *-e* в общекосвенном падеже: *ma-ka-ḥa* [makkaḥā] ‘щипцы’, *me-te* [mi?te] ‘двести’. В status absolutus эти показатели снабжены мимацией, огласовка которой не вполне ясна из-за скудости и неоднозначности примеров (наряду с этимологически ожидаемой формой *-mi*, представленной в обоих падежах, для именительного падежа, как кажется, известна и вокализация *-ma*).

Конкретные формы единственного, множественного и двойственного числа глаголов и местоимений см. в 2.4.0.

Характер дошедших до нас текстов на У.я. (среди которых обнаружено множество записей административно-экономического характера) способствовал появлению богатой информации о морфологии и синтаксисе **ч и с л и т е л ь н ы х**.

Количественные числительные

	Мужской род	Женский род
‘один’	<i>?aḥd, a-[ḥ]a-du</i> [ʔaḥadu]	<i>?aḥt</i>
‘два’	<i>tn</i>	<i>tt</i>
‘три’	<i>tlṭ</i>	<i>tlṭt</i>
‘четыре’	<i>?arbʕ</i>	<i>?arbʕt</i>
‘пять’	<i>ḥmš</i>	<i>ḥmšt</i>
‘шесть’	<i>ṭt</i>	<i>ṭṭt</i>
‘семь’	<i>šbʕ</i>	<i>šbʕt</i>
‘восемь’	<i>ṭmn</i>	<i>ṭmnt</i>
‘девять’	<i>tšʕ</i>	<i>tšʕt</i>
‘десять’	<i>ʕšr</i>	<i>ʕšrt</i>

Числительные *?aḥd/?aḥt* обычно следуют за исчисляемым, согласуясь с ним в роде: *?alp ?aḥd* ‘один бык’, *?att ?aḥt* ‘одна женщина’. Это же слово используется в значении «один из; некий» (*?aḥd b bnk* ‘один из твоих сыновей’).

Числительные *tn/tt* обычно предшествуют исчисляемому в двойственном числе, согласуясь с ним в роде: *tn lbšm* ‘две одежды’, *tt ?attm* ‘две женщины’. Важной особенностью числительного «два» в У.я. является отсутствие мимации или нунации, обычных для такого рода форм в западносемитских языках (ср. др.-евр. *šənayim*). Тожественная угаритская картина наблюдается лишь в аккадском (*šinā*).

Числительные от трех до десяти обычно употребляется в препозиции к исчисляемому во множественном числе. Специфической чертой У.я. является ослабленность типичного для семитских языков полярного согласования в роде: формы с показателем *-t* встречаются с исчисляемыми только мужского рода, однако немаркированные формы могут сочетаться с исчисляемыми обоих родов: *šbʕt r?ašm* ‘семь голов’ vs. *šbʕ ?alpm* ‘семь быков’, *šbʕ gdlṭ* ‘семь хлебов’. Последовательно полярное согласование встречается лишь в некоторых поэтических текстах и, по-видимому, свидетельствует об их архаизме.

Числительные от двенадцати до девятнадцати могут образовываться двумя способами: 1) соответствующая форма для единицы + числительное «десять» (встречается в виде *šr*, *šrt*, *šrh*); 2) числительное «десять» + соответствующая форма для единицы + особое слово *kbd* 'плюс'. Числительное «одинадцать» образуется только первым способом, при этом вместо обычного в значении «один» слова *ʔahd* здесь выступает особая лексема *št* (по мнению некоторых авторов, изредка встречающаяся в значении «один» и в независимом употреблении).

Числительные от одинадцати до девятнадцати предшествуют исчисляемому в единственном или множественном числе. При исчисляемом мужского рода обычно используются единицы мужского рода + *šr*, при исчисляемом женского рода — чаще единицы мужского рода + *šrh*, хотя такая конструкция встречается также при исчисляемом мужского рода. Сочетание единиц женского рода с *šrt* встречается практически только со словом *ḫl* 'сикль' (м. р.).

Круглые десятки: *šrm* 'двадцать', *ḫtm* 'тридцать', *ʔaršm* 'сорок', *ḫmšm* 'пятьдесят', *ḫtm* 'шестьдесят', *ššm* 'семьдесят', *ḫmym* 'восемьдесят', *tšm* 'девятьдесят'. Некруглые числительные десятков образуются одним из трех способов: 1) единицы + *l* + десятки (*ḫl-l ḫtm* 'шестьдесят шесть'); 2) десятки + единицы (*ššm šbš* 'семьдесят семь'); 3) десятки + единицы + лексема *kbd* (*ḫtm ḫl kbd* 'тридцать три').

При числительных, обозначающих круглые десятки, исчисляемое (почти всегда в единственном числе) обычно располагается после числительного: *šrm gdy* 'двадцать козлят'. Такая же конструкция обычна для числительных, обозначающих некруглые десятки (*ḫtm ḫmš kbd knt* 'тридцать пять льняных одежд'), однако возможна его постановка и сразу после десятка (*tšm mrḫ ʔahd kbd* 'девятью одно копы'). Исчисляемое может стоять как в единственном, так и во множественном числе.

Сотни и тысячи: *mʔit* 'сто', *mʔitm* 'двести' (по Дж. Хюнергарду, слоговая форма *me-te* [miʔte] является угаритской, по Й. Тропперу — аккадской), *ḫl mʔat* 'триста' и т. д.; *ʔalp* 'тысяча', *ʔalpm* 'две тысячи', *ʔarbsʔalpm* 'четыре тысячи' и т. д. Значение 'десять тысяч' выражается особой лексемой *rbt* (мн. ч. *rbt*, *rbbt*), использующейся также в смысле «мириады, множества». Образование многоразрядных числительных в целом следует описанным выше вариантам сочетания десятков и единиц. Исчисляемое при сотнях и тысячах следует за числительным, встречаются примеры как на единственное, так и множественное число.

Модель образования порядковых числительных не известна. В консонантном виде от соответствующих количественных отличаются лишь числительные «четвертый» (*rbš*) и «шестой» (*ḫḫt*). Лексема «первый» практически не засвидетельствована (в дошедших до нас текстах это значение выражается отсутствием числительного, например *lk um wḫn ḫl rbš um ḫmš ḫḫt um* 'иди (первый) день, второй, третий, четвертый день, пятый, шестой день', 1.14 III 23). Употребление особой лексемы *prš* 'первый' предполагают лишь для хозяйственного текста 4.279 (в сочетании *um prš* 'первый день').

Лексемы, обозначающие дроби, известны слабо. Засвидетельствованы образования с префиксом *m-* (*mḫl* 'одна треть') и без него (*ḫlḫt*). Последние употребляются только по отношению к частям сикля. Значение «половина» выражалось словом *mḫh* (половина сикля обозначалась особой лексемой *nsp*, ср. араб. *nisf* 'половина').

Специальным показателем *-ʔid*, присоединяемым к количественным числительным, выражается итеративность: *ḫlʔid* 'трижды'.

Понятие «оба» выражается словом *klʔat* (известно только в женском роде), в 1.14 III 57 выступающем в особой форме *klʔatnm* (предположительно в адвербиальном значении «обеими руками»).

2.3.4. У.я. сохраняет общесемитское противопоставление трех основных падежей (именительного, винительного и родительного) в единственном числе и двух падежей (именительного и общекосвенного) во множественном и двойственном числе.

В единственном числе соответствующие показатели имеют вид *-u/-a/-i* и отражены как в алфавитной, так и слоговой передаче: *llʔu/llʔa/llʔi* ‘козленок’, *la-ša-nu* [lašānu] ‘язык’, *ú-nu-ša* [ʔunutta] ‘налог’, *ma-ba-ri* [maʔbari] ‘переправа, брод’. В данной статье в связи с падежной флексией приводятся только те слоговые примеры, где падежная флексия сохранена в *status constructus*. Такой подход позволяет надежно отличить собственно угаритские примеры от аккадских (или аккадизированных), поскольку в аккадском языке в данной позиции падежная флексия утрачена.

В двойственном и множественном числе мужского рода падежные показатели не отделимы от числовых: им. п. дв. ч. *-ā(mV)*/общ.-косв. п. *-e(mV)*, им. п. мн. ч. *-ū(ma)*/общ.-косв. п. *-ī(ma)*. Конкретные примеры см. в 2.3.3. Некоторые примеры форм множественного числа мужского рода позволяют предположить, что в У.я. имела тенденция к вытеснению форм номинатива формами общекосвенного падежа: *ʔil-y ʔugrt tyrk tšlmk* ‘Боги Угарита да защитят тебя и да поддержат тебя в здравии’ (*-y* в *ʔil-y*, по всей видимости, передает *-ī*). Характер падежной флексии при показателе множественного числа женского рода *-t* [-āt-] известен слабо, немногочисленные примеры согласуются с аккадско-арабской парадигмой (им. п. *-ātul*/общ.-косв. п. *-āti*): *ša-ʔa-tu* [šāʔātu] ‘чаши’, *ku-bu-da-ti* [kubuddāti] ‘дары’.

У многих личных имен, встречающихся в записанных слоговой клинописью текстах из Угарита, наблюдается двухпадежная флексия (им. п. *-u*, общ.-косв. п. *-a*). Большинство таких слов имеют *n*-содержащие суффиксы (*-ān-*, *-en-*, *-īn-*, *-ūn-*), некоторые из этих лексем, по-видимому, несемитского происхождения. Единственный надежный пример вне корпуса личных имен — название реки *ra-aḥ-ba-na* (после предлога, т. е. в генитиве), обычно интерпретируемое как [raḥbān-] ‘просторное (место)’ (эта же форма встречается, однако, и в обычном генитиве *ra-aḥ-ba-ni*). Наличие признака двухпадежности у собственных имен, с одной стороны, и у форм с суффиксом *-ān-* — с другой, сближает угаритскую картину с арабской.

Субъект как в именном, так и в глагольном предложении маркируется номинативом (*-ʔu*): *šbʔuk ʔul maʔd* ‘Войско твое — огромная сила’ (1.14 II 35), *yšt rpʔu mlk šlm* ‘был интронизирован (?) божественный предок, царь вечный’ (1.108:1). Этим же падежом оформляется именное сказуемое: *kptr ksʔu tbtḥ* ‘Крит — это трон, где он восседает’ (1.3 VI 14).

Прямое дополнение, выраженное именем, вводится винительным падежом: *l yhpḥ ksʔa mlkk* ‘Подлинно, ниспровергнет он трон твоего царства’ (1.6 VI 28). Прямое дополнение, выраженное местоимением, передается местоименными энклитиками (*tby-k* ‘она оплакивает тебя’, *ʔimḥš-h* ‘я поразила его’). Оно может также выражаться самостоятельными местоимениями в форме общекосвенного падежа: *kbd hyt/hwt/hmt* ‘почтите ее/его/их (двоих)’.

Косвенное дополнение вводится предлогом *l-* (как и все предлоги, требующим генитива): *rʕ yššʔa ʔidn l-y* ‘Пусть добудет друг мой мне разрешение’ (2.15:5), *krym ʔab dbḥ l ʔilm* ‘Мой отец принес жертву богам’ (1.19 IV 29).

В У.я. имеются два основных способа выражения *п о с е с с и в н о с т и*: посредством сопряженного сочетания и с помощью относительных местоимений, используемых как *nota genitivi*.

В сопряженном сочетании вершинное имя, сохраняющее (как в арабском и в отличие от аккадского) падежную флексию, предшествует одному зависимому имени в генитиве (возможны последовательности из нескольких попарно подчиненных членов): *ʕz rpʔi* ‘мощь обожествленного предка’, *ʔadm lʔim hʔp um* ‘люди народа берега моря’. Во множественном числе мужского рода и в двойственном числе вершинное имя утрачивает мимацию, выступая, таким образом, в сопряженном состоянии (status constructus): *pʕn-m* ‘две ноги’ vs. *l pʕn ʔadty* ‘к ногам моей госпожи’; *rpʔu-m* ‘обоженных предки’ vs. *krʔitm rpʔi ʔarʕ* ‘вы зывали к обожествленным предкам земли’. Если зависимое имя является личным местоимением, используются местоименные энклитики: *ʔany-k* ‘твой корабль’, *mlk-n* ‘наш царь’. Для некоторых местоимений 3-го лица известно употребление в этой функции самостоятельных местоимений общекосвенного падежа: *dʔiy hwt/hyt/hmt* ‘его/ее/их крыло’. Засвидетельствована конструкция, в которой вершиной является прилагательное, а зависимым — существительное. В таких сочетаниях прилагательное по смыслу является атрибутом существительного, причем оба они описывают какой-либо третий предмет или лицо (*kʕr npʕ* ‘короткий душой’ = ‘с короткой душой’, т. е. ‘опечаленный, стесненный (человек)’). В ряде случаев такая конструкция служит для выражения суперлатива: *ʔadr gdm* ‘мощная (из) жил’, т. е. ‘мощнейшая жила’ (ср. *nʕm ʔilm* ‘прекраснейший из богов’ vs. *ʔilm nʕmm* ‘прекрасные боги’). Цепочка «вершинное имя — зависимое имя (или имена)» не прерывается другими членами предложения (в том числе прилагательными, местоименными суффиксами и др.).

Конструкция с *nota genitivi* встречается существенно реже. Вершинное имя сопрягается относительным местоимением, согласованным с ним в роде, числе и, вероятно, падеже; далее следует зависимое имя в генитиве: *hʔn d ʔiknʔi w šmt* ‘плащ из фиолетового и красного пурпура’, *drkt dt drdrk* ‘власть вечности твоей’ (= ‘твоя вечная власть’), *gʔnm dt kʕp* ‘серебряные поводья’, *ʕglm dt šnt* ‘телята года’ (= ‘годовалые телята’). Общая тенденция к генерализации формы *d* проявляется и здесь: *dbbm*_{мн. ч.} *d*_{ед. ч.} *msdt ʔarʕ* ‘звери оснований земли’. Изредка встречается конструкция «*d* + зависимое имя без вершинного»: (*d hʔm* ‘имеющий нос’ = ‘дышащий’, т. е. ‘человек’; *d pʔid* ‘имеющий сердце’ = ‘милостливый’).

В качестве показателя принадлежности sporadически употребляется предлог *l* (в надежных примерах — в основном с глаголами *ʔit* и *kn* ‘быть, иметься’): *bnšm₁ d₂ ʔit₃ ʔalpm₄ l₅-hm₆* ‘люди₁, у₅ которых_{2,6} есть₃ скот₄’ (4.422:1); *ʔar₁ ʔum₂ tkn₃ l₄-h₅* ‘Была₃ у₄ него₅ родня₁ по матери₂’ (1.14 I 15).

Обстоятельственные падежные значения выражаются, в первую очередь, предложениями (все они управляют родительным падежом). Наиболее значимые предлоги: *b* (иногда пишется *bu*, в слоговой передаче *bi-i*) ‘в; от; посредством (инструменталис)’; *l* (иногда пишется *ly*, в слоговой передаче *le-e*) ‘к, по направлению к; для’ (датель); от, из (пространство, время); *k(m)* ‘подобно’; *ʕm* ‘с, вместе с; при, у; к; по направлению к’; *bn* ‘между’; *ʕd* ‘до (пространство, время)’; *ʕl* ‘на, над; при, у’; *ʔht* ‘под; вместо’; *bʕd* ‘за’; *ʔatr* ‘после’; *bl* ‘без’. Некоторые частотные предлоги очень многозначны, вплоть до сочетания в рамках одной предложной лексемы противоположных значений: *yrd l ksʔi ytb l hdm* ‘Он спустился с (*l*) трона, сел на (*l*) подставку’ (1.5 VI 12); *šnst kpt b hʕbšh* ‘Привязала она кисти рук на (*b*) пояс’ 1.3 II 13 vs. *ʔbʕ b bth* ‘Вышли они из (*b*) его дома’ (1.17 II 39). На основе предлогов *b* и *l* образованы некоторые сложные предлоги: *b krb* ‘внутри’, *l tr* ‘на, к’. К сочетанию *b + yd* ‘рука’ должен возводиться частотный предлог *bd* ‘в, при, у, посредством’.

В большом числе случаев имена в явно обстоятельственных значениях выступают без предлогов. По сравнительным данным, в такого рода примерах ожидается использование либо аккузатива («адвербиальный аккузатив»), либо особых адвербиальных падежей — терминатива и локатива. С большей или меньшей убедительностью для У.я. уместно постулировать все три феномена, однако в большинстве случаев характер орфографии делает невозможным более точное определение.

Показателем т е р м и н а т и в а является присоединяемый к именам элемент *-h*. Хорошо засвидетельствованная форма *šmm-h* ‘в небеса’ показывает, что по крайней мере во множественном числе этот показатель совместим с одним из базовых падежей ([šamū-m-Vh/šamī-m-Vh]) и следует после мимации. Таким образом, как и в древнееврейском и аккадском, *-h* отличается от базовых падежей по рангу (ср. его написание со словоразделителем в 1.19 III 48: *šlm.h* ‘навек»). В то же время трактовать его как постфикс не позволяет факт согласованного употребления этого показателя существительными и относящимися к ним прилагательными (правда, довольно слабо засвидетельствованный). Терминатив используется для выражения некоторых пространственных отношений (*ʔarš-h* ‘на землю’, *šmm-h* ‘в небо’, *kr̄t-h* ‘в сторону/против города’, *ʔamt-h* ‘по локоть’); во временном значении известен только в выражении *šlm-h* ‘навек». Имена с терминативным показателем встречаются довольно редко, однако есть основания предполагать, что такая картина свидетельствует лишь о постепенном отмирании согласного *-h*, в то время как стоящий перед ним гласный продолжал использоваться в той же функции. В пользу такого понимания говорят примеры типа *b ḫbth ḫwt tt-h* ‘при его бегстве в другой город’, где терминатив отражен в консонантной записи при прилагательном, но не выражен при существительном. Не исключено, однако, что в атрибутивных сочетаниях терминатив мог использоваться лишь один раз, при прилагательных.

Показатель л о к а т и в а *-u* засвидетельствован лишь при именах в единственном числе. Его формальное совпадение с показателем номинатива (см. статью «Семитские языки» в наст. издании) заставляет некоторых исследователей постулировать этот формант в виде долгого *-ū*, однако синхронных оснований для этого нет. Лучше всего локатив представлен в глагольных конструкциях с параномастическим инфинитивом (*figura etymologica*): *ymʔu ymʔit* ‘жаждой ты возжаждала’, *bʔu tbʔu* ‘вхождением вошла’ (ср., однако, употребление инфинитива без падежной флексии (?) в 2.10:5–8: *ḫtʔi* [ḫatāʔ] (?) *nḫtʔu* ‘они полностью разбиты’). Во временном значении ср. *šbʔu špš* ‘на закате (по Й. Тропперу — ‘на восходе’) солнца’. В целевом значении локатив, возможно, представлен в 1.6 VI 10: *ʔaḫym ytn bšl spʔuy* ‘Моих братьев отдал мне *bšl* на съеденье’.

Засвидетельствованный в алфавитной записи адвербиальный аккузатив известен лишь из выражения *šbʔa špš* ‘на заходе (по Й. Тропперу — ‘на восходе’) солнца’. В остальных случаях он не может быть отличим от локатива, а иногда, вероятно, и от терминатива с утраченным *-h*.

Имена в адвербиальной функции без предлога часто снабжаются энклитической частицей *-m* (по сравнительным данным, такое явление может быть свойственно как локативу, так и адвербиальному аккузативу).

Нередко встречаются имена в позиции вокатива, главным образом в поэтических текстах. В этом случае они могут вводиться звательными частями *y* или *l*: *y ʔatt ʔitrḫ y bn ʔašld* ‘О жены, которых я взял! О сыновья, которых я породил’ (1.23:64); *šmʔl ʔalʔiy n bšl bn l rkb ʔrpt* ‘Слушай, о всемогущий *bšl*! Внимай, о наездник облаков!’

(1.4 V 59). Нередко, однако, вводные частицы отсутствуют: *špš ?um kl bl šm ?il* 'О *špš*-мать (моя)! Донеси слово до Илу!' (1.100:2–3). Предполагают, что в ряде случаев вокатив выражался или усиливался присоединением местоименного суффикса 1-го лица (*w ?at ?um ?al tdl* 'Ты, мать моя, не бойся!', 2.30:20), однако во всех таких случаях речь идет о терминах родства, где употребление этого суффикса естественно и вне звательного контекста. В каком падеже стояло имя при обращении, остается не вполне ясным. Во множественном числе мужского рода очевидно употреблялся общекошвенный падеж: *lk bty rp?im* 'Войдите в мой дом, о божественные предки!' (1.21 II 9). В единственном числе картина неясна, возможно, употреблялась форма без падежной флексии (как в аккадском): *ks?i* [kussi?] *nkm* *?ibky wudm? hdm p?nh* 'О трон Никмадду, плачь! Пусть льет слезы подставка для его ног!' (1.161:13–14).

2.3.5. Надежно выделяются следующие п о р о д ы:

— основная (семантически и морфологически немаркированная) порода (G);

— рефлексив основной породы (Gt), который, помимо собственно рефлексивной функции (*nš?* 'поднимать' > Gt 'подниматься', *ršy* 'мыть' > Gt 'мыться'), выражает большое количество других семантических категорий (в ряде случаев употребляется без явного отличия от G). В отличие от других западносемитских языков, порода Gt не употребляется для выражения пассива (в этом смысле угаритская картина близка аккадской). Формы Gt образуются инфиксацией показателя *-t* после второго корневого согласного. Вокализм префикса в префиксальном спряжении — *i* (*?imthš* 'я сражалась'), тематический гласный точно не установлен (немногие релевантные формы содержат как *-a-*, так и *-i-*). В суффиксальном спряжении наблюдается *?i*-протеза арабского типа (*?iš?ir* 'остался'), вокализм основы неясен. Инфинитив образуется одновременно префиксацией и инфиксацией показателя *t*: *tmtšy* 'сражаться', *thšyb* 'биться' (сходные формы с двойным маркированием хорошо засвидетельствованы в лексических списках из Эблы);

— интенсив (D) — частотная порода, в целом сохраняющая многозначность соответствующей категории в прасемитском (фактитив, каузатив и др.). отождествление форм породы D и их анализ затруднены отсутствием специальных внешних показателей (геминация второго радикала в орфографии не отражена, также как, в большинстве случаев, и характерный для этой породы вокализм). Вокализм префикса в префиксальном спряжении — *a* (*?abkt* 'я буду искать') вместо ожидаемого по сравнительным данным *u*. По предположению Й. Троппера, этот вокализм был присущ только префиксу 1-го лица единственного числа (возможно, под влиянием ларингала ?), в то время как другие формы сохраняли исконный *u*-вокализм. Тематический гласный — *i* (*?am?id* 'я умножу'). Основы суффиксального спряжения и инфинитива известны в слоговой передаче (*šal-li-ma* [šallima] 'он заплатил', *pu-la-tu* [pullatu] 'спасать'). Активное и пассивное причастия имеют префикс *m-*, вокализм основы неясен. У глаголов со вторым слабым и у удвоенных глаголов формы этой породы имеют особые алломорфы типа др.-евр. *rōlē*;

— рефлексив интенсива (*iD*) — редкая порода, количество надежных примеров не превышает десяти. Образуется префиксацией показателя *t-* (*tkms* 'встал на колени'). Данных о вокализации основ и префиксов практически нет;

— каузатив (Š) — Й. Троппер отмечает относительную редкость употребления каузативной породы в У.я. по сравнению, например, с породой *hīr?īl* в древнееврейском. Образуется префиксацией показателя *š-*. Гласный префикса в префиксальном спряжении — *a* (*?ašhk* 'я заставлю идти'), диахроническая интерпретация которого

связана с теми же проблемами, что и в D. Типовой гласный, вероятно, *i* (*yšš'il*, форма каузатива к *š'il* 'спрашивать', контекст не позволяет установить точное значение). Вокализм основ суффиксального спряжения и инфинитива неизвестен. Причастие образуется префиксацией *m* (*mšmtr* 'проливающий дождь');

— рефлексив каузатива (*Št*) — редкая порода (не более пяти надежных примеров), наиболее ясными по значению являются формы от корня *hwy*, имеющие значение 'кланяться' (сам корень, впрочем, ни в каком другом виде в У.я. не представлен);

— пассив-декаузатив-реципрок (N) — сравнительно редко встречающаяся порода, основное значение которой трудно установить. Пассивное значение очевидно в таких примерах, как *ntn* 'он был отдан' (*ytn* 'отдавать'), *nkly* 'он был истрачен' (*kly* 'заканчиваться'), *nškh* 'он был захвачен' (*škh* 'находить'). Декаузативное значение проявляется в *y'adm* [*yī'adVm*] 'он окрасился в красный цвет', *ʔilhm* [*ʔillahVm*] 'я буду сражаться'. Значение реципрока присутствует в единственном примере в слоговой передаче (*na-ap-ta-ru* [нартару] 'они обменялись'). Образуется префиксацией *n-*, который сохраняется в суффиксальном спряжении (предположительно также в инфинитиве и причастии), а в префиксальном — ассимилируется первому корневному согласному. Основа суффиксального спряжения имеет *a*-вокализм, как видно из единственного примера в слоговой записи (см. выше). Префиксы в префиксальном спряжении имеют *i*-вокализм (*ʔilhm* 'я сразился'), тематический гласный неизвестен.

В каждой из пород глагол представлен в префиксальном и суффиксальном спряжении. Данные о вокализме основ в каждом из спряжений очень скудны. У.я., вероятно, была присуща корреляция между вокализмом глагольных основ в основной породе и переходностью соответствующей глагольной лексемы. Отклонения от этой корреляции связаны с присутствием ларингалов в качестве второго или третьего согласного. Кроме того, в У.я. действовал закон Барта (подтвержден на угаритском материале Х.Л. Гинзбергом и иногда называется «законом Барта—Гинзберга»).

В префиксальном спряжении прямые свидетельства о вокализме основы имеются для глаголов со вторым корневым *ʔ*. Все они имеют *a*-вокализм в основе, объясняющийся влиянием ларингала. В 1-м лице единственного числа засвидетельствованы только формы *ʔilʔak* 'я посылаю' и *ʔišʔal* 'я спрашиваю', иллюстрирующие закон Барта ([ʔi-lʔak] и [ʔi-šʔal]). Несколько менее эксплицитно свидетельствуют о нем контрастные пары типа *ʔargm* [ʔa-rgumu] 'я говорю' vs. *ʔilhm* [ʔi-lhamu] 'я ем' (надежных примеров второго типа, где *-a-* был бы обусловлен не ларингалом, а непременным значением глагола, не выявлено).

В суффиксальном спряжении глаголы IIʔ, позволяющие судить о тематическом гласном, представлены скупо: *ʔik* 'посылать' и *šʔil* 'спрашивать'. Оба они, несмотря на переходное значение, имеют типовой гласный *-i-*, обычно объясняемый вторичной перестройкой из-за *a*-вокализма в основе префиксального спряжения. Немногочисленные формы в слоговой передаче относятся к непременным глаголам, но, вопреки ожиданиям, имеют *a*-вокализм: *ta-ba-ʔa* [tabaʔa] 'он выступил', и особенно *ša-ma-ta* [šamata] 'он был передан'. Предполагают, что сохранение *-w-* в форме *ʔrwt* 'она была обнажена' свидетельствует о типовом гласном *-u-* ([ʔaruwat]).

Префиксальное спряжение выступает в одной из двух форм — краткой (претерит/юссив) и долгой (имперфект). Краткие формы см. 2.4.0. Долгие формы образуются по следующим правилам: к кратким формам, оканчивающимся на \emptyset , присоединяется *-u* (*yšʔi* [yašīʔ] 'он вышел' vs. *yšʔu* [yašīʔu] 'он выйдет'), к кратким формам, оканчивающимся на гласный, присоединяется *-n* (*tqh* [tiqqaḥū] 'они взяли' vs. *tqh-n* [tiqqaḥūna] 'они берут').

Глагольные формы G, D и Š пород выступают в активном или пассивном з а л о г е. Формы пассивного залога отличались вокализмом основы, который лишь в исключительно редких случаях проявляется в орфографии. Тем не менее существование внутреннего пассива надежно доказывается косвенными морфологическими и синтаксическими свидетельствами. Ср., например, следующую контрастную пару для G-породы: *mlk ʔugrt ytn bt* ‘царь Угарита даст дом’ (3.2:5) vs. *ytn bt lk* ‘будет дан тебе дом’ (1.4 V 27). Форма *ytn* в последнем примере не может быть интерпретирована иначе как 3-е лицо единственного числа мужского рода пассива G. Сходные примеры имеются для Š и, с несколько меньшей степенью надежности, для D-породы. Таким образом, мнение ряда авторов, согласно которому У.я. не был присущ внутренний пассив, следует признать ошибочным.

Кроме того, пассивное значение может выражаться с помощью породы N и широко распространенной безличной конструкцией с глагольными формами 3-го лица множественного числа.

Выделяются н а к л о н е н и я: индикатив, юссив и императив.

В алфавитной записи основа императива обычно совпадает с глагольным корнем: *rgm* ‘скажи’. По мнению некоторых исследователей, засвидетельствовано несколько форм императива с протезой арабского типа (*ʔuḳrb* ‘приблизься’, *ʔibky* ‘плачь’, *ʔišḥn* ‘будь горячим’), однако для некоторых подобных форм возможны альтернативные интерпретации. Флексия, вероятно, совпадала с юссивной: *ʔi* [ʔiʔi] ‘выходи’ (ж. р.), *šʔu* [šaʔū] ‘поднимите’ (релевантные формы единственного числа мужского рода не представлены). Данных о вокализации основы мало, для глаголов с первым корневым ʔ известны формы *ʔuḥd* ‘бери’ и *ʔirš* ‘желай’ (возможно, также *ʔarš*), *ʔisp* ‘собери’ с гласным первого слога, повторяющим тематический (как в аккадском). Императив никогда не употребляется при отрицательном повелении, где обычные формы юссива с отрицательной частицей *ʔal* (примеры см. в 2.3.6.).

Формы юссива идентичны кратким формам префиксального спряжения (претерита); засвидетельствованы, в основном, формы 3-го лица (в определенных синтаксических контекстах, возможно, встречаются также формы 2-го лица). В юссивном значении иногда отмечаются формы перфекта: *hlk l ʔalp ḥdd* ‘Пусть идут (*hlk*) тысячами, как ливень’ (1.14 II 39).

Формы юссива в 1-м лице единственного числа обычно получают расширение *-a* (*ʔiḳrʔa* [ʔiḳraʔ-a] ‘пусть я войду’). Формально сопоставимые с арабским субъюнктивом на *-a*, такие образования часто выделяются в литературе в особое наклонение (субъюнктив, когортатив или волитив). Как показал Й. Троппер, эти формы не составляют синтаксической оппозиции обычному юссиву. Считать их особым наклонением затруднительно также потому, что такое же расширение встречается и при формах императива (*šʔa* [šaʔa] ‘подними’).

Особым наклонением часто считают также глагольные формы, расширенные одним или двумя *-n* («усиленное наклонение», *modus energicus*). По Й. Тропперу, формы с одним *-n* встречаются во всех спряжениях и наклонениях (*yšt-n* ‘он положил’, *ytn-n* ‘он ответит’, *ḳh-n* ‘возьми’), однако надежных примеров в суффиксальном спряжении и в формах имперфекта, уже содержащих лично-числовые *n*-суффиксы, мало. Формы с *-n* встречаются перед местоименными энклитиками 3-го лица единственного числа (по-видимому, только при формах претерита, оканчивающихся на *-θ*). В тех случаях, когда появление *-n* не обусловлено присоединением местоименного суффикса (что случается, в основном, в поэзии), этот показатель, по-видимому, слу-

жил для прагматического усиления глагольной формы, хотя доказать эту точку зрения едва ли возможно. Присоединение *-nn* наблюдается во всех типах личных глагольных форм, но только перед местоименными энклитиками 3-го лица единственного числа (с ассимиляцией *-h*, см. примечания при парадигме личных местоимений в 2.4.0.).

Спряжение глаголов со слабыми корнями, вероятно, обладало обычными для семитских языков особенностями, однако лишь немногие из них очевидны в алфавитной записи.

Глаголы Iy (как правило, *y < *w*) теряют первый согласный в формах префиксального спряжения и императива G (*tdʕ, dʕ < ydʕ* 'знать'; в слоговой записи см. *a-ši-ib* [ʔaʕib] < *yib* 'сидеть'), в формах Gt (*ʔitrt < yrt* 'наследовать') и Š (*šʕa < yʕ* 'выходить'). В формах префиксального спряжения и инфинитива D сохраняется *w-*, во всех остальных формах утраченное или перешедшее в *y* (*ywsr* [yVwassiru] 'он учит', *wld* [wulladu] 'рожать').

В глагольных формах IIw/y второй корневой согласный практически никогда не проявляется на письме. Для префиксального спряжения G в алфавитной передаче засвидетельствован типовой вокализм *u* (*tʔud < ʔwd* 'обязывать') и *a* (*yʔar < ʔwr* 'сиять'). У активного причастия G обычны формы без срединного согласного (*km < kwm* 'стоять'), однако несколько раз, возможно, зафиксированы формы арамейско-арабского типа с *-y-* (*kyt* 'стоящие', st. constr.). Характерной чертой глаголов этого класса является образование D-породы с редупликацией третьего корневого согласного: *tʔrr* 'она возбуждает' (*ʔwr* 'возбуждаться, пробуждаться'), *rmm* 'возвысь; возведи' (*ryt* 'быть высоким').

Образование глагольных форм от корней IIIw/y в целом вытекает из описанных в 2.1.3. правил стяжения либо сохранения сочетаний гласных со слабыми согласными, однако отличается высокой степенью вариативности, по крайней мере в орфографии. Формы префиксального спряжения на *-∅* всегда выступают без конечного согласного (*ybk* 'он заплакал' < **yabkiy*); образование форм с суффиксами зависит от многих факторов (вероятно наличие дублетных форм). Формы суффиксального спряжения в основном сохраняют слабый согласный в 3-м лице единственного числа мужского и женского рода и в 3-м лице множественного числа мужского рода (*pdy* 'он выкупил', *ʔatwt* 'она пришла', *myy* 'они явились').

Отдельные нерегулярные явления наблюдаются в спряжении глаголов некоторых других классов:

— в формах префиксального спряжения глаголов *ʔbd* 'гибнуть', *ʔhb* 'любить' и *ʔhd* 'брат' вместо ожидаемой записи с *ʕi* (**yʔihd* [yaʔhud]) наблюдается запись с *ʔu* (*yʔubd, yʔuhb, yʔuhd*), до сих пор убедительно не объясненная (у глагола *ʔhd* встречаются также регулярные формы типа *yʔihd*);

— глаголы *hlk* 'идти' и *hlm* 'бить' теряют *h* в формах префиксального спряжения G (*ylk, ylm*) и Gt (*yilk*), а также в императиве G (*lk*);

— глаголы In и глагол *lkḥ* 'брат' ассимилируют *n* (l) второму корневому согласному в префиксальном спряжении G (*yšk < nšk* 'целовать', *yḫ < lkḥ* 'брат') и во всех формах Š (*tštr < ntr* 'убегать'), показателю *t* — в формах Gt (*ytsʔi < nšʔ* 'поднимать'). В императиве G у *lkḥ* и некоторых глаголов In утрачивается первый согласный (*kh, sk < nsk* 'лить'). У других глаголов этого класса *n-* сохраняется (*nyr* 'хранить');

— у удвоенных глаголов практически все личные формы G образуются по слабому типу, на письме — с одним из двух последних радикалов (*ndt* 'я убежал' < *ndd, ysb*

‘он поворачивается’ < *sbb*). Сильные формы присущи породам D и Š (в первом случае возможно имели место формы типа др.-евр. *rōlēl*).

Н е л и ч н ы е ф о р м ы глагола. Активное причастие надежно засвидетельствовано в форме *qātīl*–: *ya-šī-ru-ma* [yāšīrūma] ‘гончары’ (букв. ‘формующие’), *na-ḥi-ru* [nāḥīru] ‘сторож’, *ʔakl* [ʔākīlu] ‘едящий’, *šʔibt* [šāʔib(a)tu] ‘черпающая’. В некоторых из вышеприведенных примеров активное причастие субстантивировано, однако случаи явно глагольного управления также известны: *ḥspt l šʔr ʔl* ‘собирающая с шерсти (или: с ячменя) росу’ (1.19 IV 37).

Структура формы пассивного причастия в У.я. остается предметом дискуссии. В пользу еврейско-эфиопского типа **qātīl*– говорит форма *ʔuk* ‘посланный’, в пользу арамейского типа **qātīl*– — дошедшие в слоговой передаче формы *ḥa-ri-mu* [ḥaḥīmu] ‘отвергнутый, отделенный’, *a-sī-ri* [ʔasīr-] ‘пленный’ (квалификация обоих слов как пассивных причастий в строгом смысле спорна). По мнению многих исследователей, в У.я. существовала также форма пассивного причастия арабского типа (**maqtīl*–): *ma-aš-nu-ū* [mašnūʔu] ‘враг’ (букв. ‘ненавидимый’), *mtrḥt* [matrūḥatu] ‘невеста’ (< *trḥ* ‘брать жену’).

Основная модель инфинитива, вероятно, имела вид *qatāl*–. Слабо засвидетельствованная в слоговой передаче, она постулируется на основе нескольких примеров форм от корней IIʔ (*ʔak* [laʔāku] ‘посылать’, *šʔal* [šaʔālu] ‘спрашивать’). Принято полагать, что в функции инфинитива использовались и другие именные модели, в первую очередь *qītl*–. Эта точка зрения оспаривается Й. Троппером, который указал на то, что лишь для модели *qatāl*– можно постулировать черты глагольного синтаксиса (например, возможность употребления в составе конструкции «инфинитив + субъект», эквивалентной употреблению личной глагольной формы). В пользу традиционной точки зрения говорит, однако, тот факт, что в лексических списках *qītl*– встречается как эквивалент аккадского инфинитива (наиболее явный пример — шум. *DU₈* = аккад. *pa-tá-[r]u* = хур. *zu-lu-du-me* = угар. *pí-iṭ-r[ū]* ‘освободить, выкупать’). В слоговой передаче представлены также формы *ni-iḥ-rū* [niḥru] ‘сторожить’, *ši-tu* [šītu] ‘класть’, *ši-i-ru* [šīru] ‘петь’ (или ‘сторожение, пение’ и т. д.).

2.3.6. Категория л и ц а присуща личным местоимениям и финитным формам глагола (см. 2.4.0.).

Система глагольных в р е м е н У.я. может быть охарактеризована как архаичная, в определенной степени переходная между аккадской и западносемитской. Ключевой позицией здесь является выражение категории прошедшего времени, для которого используются два типа глагольных форм: краткие формы префиксального спряжения (далее претерит) и формы суффиксального спряжения (далее перфект). Между этими двумя формами имеется жанровое распределение: формы претерита практически не встречаются в прозаических текстах. В поэзии разграничение их функций составляет особую, недостаточно разработанную в научной литературе проблему, связанную с множеством синтаксических, смысловых и стилистических факторов. Во многих случаях, как кажется, речь идет о полной синонимичности; см. приводимую Й. Троппером пару пассажей 1.2 I 19 и 1.14 VI 35–7, где в идентичных контекстах встречаются разные времена: *tbʔ ylm m l ytb* ‘отправились юноши, не медля’ vs. *ttbʔ mlʔ ak m l ytb* ‘отправились посланцы, не медля’ (*tbʔ* — перфект, *ttbʔ* — претерит).

Действия в прошлом часто описываются конструкцией «инфинитив + субъект (имя, местоимение)»: *šḥk bilt ʔnt* ‘Рассмеялась дева ʔnt’ (1.4 V 25), *w rgm ʔank* ‘И сказал я’ (2.42:25). В обоих приведенных примерах глагольная форма не может быть

перфектом из-за отсутствия соответствующих личных и родовых показателей. Как видно из второго примера, субъект в таких случаях стоит в номинативе (?*ank*); о падеже инфинитива судить трудно, однако известно, что немногие надежные примеры от корней III? имеют на конце *-u* (номинатив или локатив-адвербиалис).

Действия, протекающие в настоящем и будущем, обозначаются долгой формой префиксального спряжения (имперфект): *zbl ṣršm yš?u* 'Больной тащит свое ложе' (1.14 II 45–6); *tmṣu l ?udm rbt* 'Прибудешь ты в великий ?*udm*' (1.14 III 4; наличие *-u* на конце формы *tmṣu* указывает на долгую форму префиксального спряжения [tīmṣau]). В то же время, довольно часто долгая форма префиксального спряжения используются для описания действий, явно относящихся к прошлому. По мнению Й. Троппера, в этих случаях речь идет о действиях с оттенком несовершенного вида (длительных, повторяющихся, фоновых и т. д.), однако далеко не всегда это объяснение выглядит убедительным.

Отрицание может выражаться с помощью нескольких отрицательных частиц. Наиболее частотной является частица *l*, *la-a* [lā], встречающаяся в разнообразных синтаксических позициях как при именах, так и при глаголах: *yn d l ṭb* 'вино, которое не хорошо' (4:213:2), *l ?ib yp? l bšl* 'Никакой враг не вышел против *bšl*' (1.3 IV 5), *l rgmt lk* 'Я не говорила тебе' (1.4 VII 23), *l yhr?u w l ytnn ššw* 'Не испражняется и не мочится конь' (1.85:9). Отрицание *l* обычно не употребляется при запретах, в этой функции используется отрицание *?al*: *?at ?umy ?al dhl w ?ap mhkm b lbk ?al tšt* 'Ты, мать моя, не бойся и ни о чем не беспокойся' (2.30:21–24), *?al yšdbkm k ?imr b ph* 'Да не положит он вас к себе в пасть, как ягненка' (1.4 VIII 17), *?al tlšg lšnk* 'Да не запнется твой язык' (1.169:12). Редкое отрицание *bl* встречается, в основном, при именах: *?u mlk ?u bl mlk* 'как царь, так и не царь' (1.4 VII 43). Любопытным примером словосложения с отрицательной частицей является лексема *blmt* 'бессмертие'. Особым отрицательным глаголом *?in* выражается отсутствие предмета или лица: *?in lšn lh* 'Нет у него языка' (1.103+:31).

2.3.7. Существительное характеризуется категориями рода, числа, падежа, состояния. Последняя категория представлена только оппозицией *status absolutus vs. status constructus* с ограниченной сферой действия (формы с *-m* и без него во множественном числе мужского рода и в двойственном числе). В единственном числе категория состояния не реализуется, так как нет никаких морфологических отличий между формой перед несогласованным определением и без него (так же, как в арабском, и в отличие от аккадского, имя в *status constructus* имело полное падежное склонение: *ks?u bšlt bh[tm]* 'трон госпожи дворца', *l ks?i mlkh* 'с трона его господства', *šb?a špš* 'на восходе солнца'; падежная флексия устойчиво присутствует в таких случаях и в угаритских словосочетаниях, переданных в слоговой записи).

Прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже. При отсутствии специальных форм для степеней сравнения и скупости сведений о специфически аъективных словообразовательных моделях можно говорить о несколько меньшей, чем в других семитских языках, дифференциации между существительными и прилагательными. С морфологической точки зрения последние отличаются лишь характером категории рода и ее реализацией (см. 2.3.2.).

Глагол характеризуется категориями времени и наклоения, согласуясь с подлежащим в лице, роде и числе. Имеются именные формы — активные и пассивные причастия, инфинитив. Любая глагольная форма принадлежит к какой-либо из пород.

В У.я. имеются специальные лексемы, выражающие бытие, присутствие: утвердительная *?iṭ* и отрицательная *?in*. Лексема *?iṭ* спрягается по суффиксальному спряжению: *?iṭ zbl bṣl ?arṣ* ‘Существует князь, господин земли’, *?iṭ-t ṣmn mlkt* ‘Я (нахожусь) с царицей’. В значении ‘есть, имеется’ *?iṭ*, по-видимому, не всегда согласовывалось с субъектом, выступая в обобщенной форме единственного числа мужского рода: *hm ?iṭ ṣmt hm ?iṭ ṣṣm* ‘Есть ли жир, есть ли кость?’ (1.19 III 39; *?iṭ* не имеет показателя женского рода, хотя лексема *ṣm-t* ‘жир’ — женского рода). Лексема *?in* неизменяема, часто выступает с расширением *-n* (*?inn*).

Количественные и порядковые числительные изменяются по родам и падежам (см. 2.3.3.).

Личные местоимения изменяются по лицам, числам, родам и падежам (конкретные формы см. в 2.4.0.).

Указательные местоимения У.я. представлены слабо и, возможно, были малоупотребительны (они никогда не встречаются в поэтических текстах). Лучше всего засвидетельствована неизменяемая по роду и числу форма *hnd* ‘этот/эта/эти’: *spr hnd* ‘этот документ’, *ml?akty hnd* ‘это мое посольство’, *?alpm ṣṣwm hnd* ‘эти две тысячи лошадей’. Довольно вероятно значение ‘это’ для форм *hnk* и *hnkt*, например, в *mlk bṣly lm ṣkn hnk l ṣbd* ‘Зачем царь, господин мой, возложил это на раба своего?’ (2.33:23), *mlkt ?ugrt hnkt rgmt* ‘Царица Угарита сказала это’ (2.21:9). Форма *hndt* могла использоваться в значении ‘эта’ или ‘это’: *?anykn dt l?ikt mṣrm hndt bṣr mtt* ‘Корабль, который ты послал в Египет, этот (корабль) затонул в Тире’ (2.38:12), *w hndt yṭb l mspr* ‘Это надо снова читать’ (1.19 IV 62). Приведенные выше интерпретации оспариваются многими исследователями.

В качестве указательных могли употребляться местоимения 3-го лица в прямом и косвенном падежах: *drṣ hwt hyt yḥsl* ‘Посевы этой страны будут разорены’ (1.103:55).

Относительные местоимения У.я. имеют вид *d*, *du-ú* [dū] в единственном числе мужского рода, *dt* в единственном числе женского рода, *dt* во множественном числе обоих родов (последняя форма, вероятно, отличалась от формы единственного числа женского рода вокализмом). Архаическая форма *d* представлена в 1.24:45 (*d p?id* ‘сердечный’, эпитет бога Илу, обычно выступающий как *d p?id*). Сохранившаяся в слоговой передаче форма *du-ú* предполагает склонение по падежам ([dū, dā, dī]). Как и во многих других семитских языках, имеется тенденция к генерализации формы *d* для всех родов и чисел (*?ilnum d t?it* ‘боги, которые явились’, *mrkbt mlk d l ṣpu* ‘царские колесницы, которые не были обшиты’).

Надежно засвидетельствованы вопросительные местоимения: *tu* ‘кто?’, *mh* ‘что?’, *mn* ‘кто/что?’. Расширение вопросительных местоимений элементами *-m* и *-k* служит для образования неопределенных (в отрицательных предложениях — отрицательных) местоимений: *mn-k* ‘кто-нибудь/никто’, *mh-k* ‘что-либо’, *mn-m* ‘что-либо’. В 1.23:6 в значении ‘какой-либо, всякий’ выступает лексема *?ay*: *lḥm b lḥm ?ay w ṣt b ḥmr un ?ay* ‘Ешьте от всякой еды, пейте от всякого опьяняющего (?) вина’.

В У.я. хорошо засвидетельствована лексема *kl* ‘всё/весь/всякий’: *dbḥ kl* ‘жертвоприношение всего’, *ṭṭ ymm kl lḥmt* ‘Я сражался все шесть дней’, *bṣl kl ḥwt* ‘господин всей страны’, *kl gbṣ* ‘всякий холм’.

В функции наречий употребляются имена в адвербиальных падежах (см. 2.3.4.). Кроме того, известно определенное количество самостоятельных адвербиальных лексем: наречия места (*hn* ‘здесь’, *tm* ‘там’), времени (*ht* ‘сейчас’, *?aḥr* ‘потом’,

mk 'тогда'), образа действия (*kn* 'так', *m?id* 'много'), вопросительные (*?ik* 'как?', *lm* 'зачем?', 'почему?').

Предлоги и союзы (сочинительные и подчинительные) см. соответственно в 2.3.4. и 2.5.3.

У.я. обладает богатым набором частиц (самостоятельных, энклитических, проклитических). Утвердительная частица *l* встречается обычно при предикате (*?akln b grnt l b?r* 'Зерно наше на гумнах подлинно сгорело', 2.61:9), редко при субъекте (*y?tkn l ymm l yr?m* 'Проходят, подлинно, дни и месяцы', 1.6 II 26). Другие утвердительные частицы: *k*, *dm*. Весьма частотны презентативные частицы *hn* и *hl* 'вог'. Отрицательные частицы см. в 2.3.6., звательные — в 2.3.4. Наиболее частотной энклитической частицей является *-m*, обычно оформляющая имена в адвербиальном употреблении и вокативе, а также используемая для выделения различных членов предложения. Энклитическая частица *-n* обычно встречается при выделенном члене предложения, продвинутом на первое место, а также при первом слове аподосиса в гадательных текстах. Энклитическая частица *-u*, по-видимому, оформляла первое слово прямой речи.

2.4.0. Образцы парадигм.

Глагол

Здесь и далее, при отсутствии специальных указаний, приводятся формы основной породы; префиксы и суффиксы, отделенные дефисом, одинаковы для всех типов глагольных корней во всех породах. Вокализм приводится только в тех случаях, где он засвидетельствован в слоговой и (или) алфавитной передаче (см. примечания к парадигмам). Прочерком обозначаются позиции, для которых ожидаемые формы не засвидетельствованы в текстах.

Суффиксальное спряжение

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>ḳatVl-a</i>	<i>ḳatVl-at</i>
	2-е л.	<i>ḳatVl-tV</i>	<i>ḳatVl-tV</i>
	1-е л.	<i>ḳatVl-tV</i>	
Дв. ч.	3-е л.	<i>ḳatVl-V</i>	<i>ḳatVl-tV</i>
	2-е л.	<i>ḳatVl-tVmV</i>	
	1-е л.	<i>ḳatVl-nVyV</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>ḳatVl-ū</i>	<i>ḳatVl-V</i>
	2-е л.	<i>ḳatVl-tVm(V)</i>	—
	1-е л.	—	

Примечание: Формы, подтверждающие вокализм отдельных позиций парадигмы: 3-е л. ед. ч. м. р. *ṣa-ma-ta* [ṣamata] 'он был передан', *ta-ba-ʔa* [tabaʔa] 'он ушел', *nšʔa* [našaʔa] 'он поднял', *mʔa* [maʔa] 'он нашел'; 3-е л. ед. ч. ж. р. *yšʔat* [yašaʔat] 'она вышла', *klʔat* [kalaʔat] 'она закрыла'; 3-е л. мн. ч. м. р. *ṣa-ma-tū* [ṣamatū] 'они были переданы', *nšʔu* [našaʔū] 'они подняли'.

Префиксальное спряжение (краткая форма)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>yV-ktVl</i>	<i>tV-ktVl</i>
	2-е л.	<i>tV-ktVl</i>	<i>tV-ktVl-t̄</i>
	1-е л.	<i>?V-ktVl</i>	
Дв. ч.	3-е л.	<i>yV-tV-ktVl-ā</i>	<i>tV-ktVl-ā</i>
	2-е л.	<i>tV-ktVl-ā</i>	
	1-е л.	—	
Мн. ч.	3-е л.	<i>tV-ktVl-ū</i>	<i>tV-ktVl-nV</i>
	2-е л.	<i>tV-ktVl-ū</i>	<i>tV-ktVl-nV</i>
	1-е л.	<i>nV-ktVl</i>	

Примечание: Существование нулевой флексии подтверждается многочисленными написаниями с *-?i*, например, *ts?i* [taʃiʔ] 'она вышла'. К флексии *-ū* во 2-м и 3-м лице множественного числа мужского рода см. форму *ts?u* [tiššaʔū] 'они подняли', к флексии *-ā* во 2-м и 3-м лице двойственного числа см. формы *tb?a* [tabūʔā] 'они двое вошли', *trp?a* [tirpaʔā] 'они две излечили'. Флексия *-t̄* во 2-м лице единственного числа женского рода реконструирована (ср. *-?i* [i] в соответствующей форме императива).

Основной формой префикса 3-го лица множественного числа мужского рода является *t-* (как в амарнском ханаанейском). В литературе высказывается точка зрения, согласно которой с большей или меньшей частотностью встречается также *y-*префиксация (как показал Й. Троппер, единственными полностью надежными примерами такого рода являются формы *y-bl-k* и *y-bl-nn* 'они принесут (тебе)' в 1.4 V 15–7 и 1.4 V 38–40).

В 3-м лице двойственного числа мужского рода встречаются формы как с *y-*, так и с *t-* с неясным распределением.

Вслед за Й. Троппером, формы 2-го и 3-го лица множественного числа женского рода реконструированы с показателем *-nV* (как в древнееврейском, арабском, раннеарамейском), хотя надежных свидетельств в пользу этой реконструкции немного.

Местоимения

Личные

Самостоятельные формы

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	1-е л.	<i>?ank, a-na-ku</i> [ʔanāku]/ʔan	
	2-е л.	<i>?at, at-ta</i> [ʔatta]	<i>?at</i>
	3-е л.	<i>hw, ú-wa</i> [huwa]	<i>hy</i>
Дв. ч.	1-е л.	—	
	2-е л.	<i>?atm</i>	
	3-е л.	<i>hm</i>	
Мн. ч.	1-е л.	—	
	2-е л.	<i>?atm</i>	—
	3-е л.	—	—

Форма *?ank* значительно частотнее формы *?an*.

В парадигме приведены формы именительного падежа. Для некоторых местоимений 3-го лица известны также формы общекосвенного падежа (ед. ч.: м. р. *hwt*, ж. р. *hwt*; дв. ч. *hmt*; мн. ч. м. р. *hmt*).

Энклитические формы

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	1-е л.	-∅, -y/-n	
	2-е л.	-k	-k
	3-е л.	-h (-ú в <i>ḥa-ma-ru-ú</i> 'его ученик')	-h
Дв. ч.	1-е л.	-ny	
	2-е л.	-km	
	3-е л.	-hm	
Мн. ч.	1-е л.	-n	
	2-е л.	-km	-kn
	3-е л.	-hm	-hn

Редкие варианты: -w для 3-го лица единственного числа мужского рода; -ny для 1-го лица множественного числа. Во всех лицах и числах притяжательные и объектные энклитики одинаковы, за исключением 1-го лица единственного числа, где -y (-∅) присоединяется к существительным и предлогам, а -n — к глаголам (*tbḥr-n* 'ты забросил меня', орфографический вариант -ny см. в форме *ḥn-nu* 'Помилуй меня!' в 2.15:3). Распределение вариантов -∅ [-ī] и -y [-ya] для притяжательной энклитики 1-го лица единственного числа неоднозначно и, во всяком случае, не вполне совпадает с ожидаемым по сравнительным данным (в рамках которых [-ī] выступает в номинативе и аккузативе единственного числа, а [-ya] — в остальных случаях). В У.я. вариант -∅ обычно встречается при именах в именительном падеже единственного числа (*?um [?ummi] tšmḥ* 'Пусть радуется моя мать!') и, возможно, в винительном падеже единственного числа. Вариант -y обычен при именах в родительном падеже единственного числа (*l ?umy [le ?ummiya] yšlm* 'Матери моей пусть будет спокойно!') и в двойственном и множественном числе (имеющиеся примеры, в основном, в общекосвенном падеже: *b špt-y [šapte-ya]* 'в моих (двух) губах', *km ?ah-y [?aḥī-ya]* 'подобно моим братьям'). Этой вполне регулярной в сравнительном плане картине противостоит тот факт, что в довольно большом количестве случаев -y наблюдается при именах в именительном и винительном падежах единственного числа. Поскольку подавляющее число таких примеров приходится на письма, в которых -y нередко используется как mater lectionis для обозначения -ī, велика вероятность чисто орфографической природы этого феномена.

Объектные суффиксы 3-го лица единственного числа обоих родов часто присоединяются к глагольным формам, осложненным элементом -n-. Последовательность -n- + суффикс выглядит либо как -nh (только при формах претерита *ukl*), либо как -nt (встречается со всеми типами глагольных форм).

Появление -n- наблюдается также при присоединении суффиксов к некоторым предлогам (*l-n* 'против меня', *ḥn-n-k* 'с тобой', *ḥl-n-h* 'на нем').

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Словоформы первичных именных лексем состоят из консонантно-вокалического корня и словоизменительных показателей числа и падежа. У лексем женского

рода перед флексией может присутствовать родовой показатель. Словоформы производных имен состоят из консонантного корня, словообразовательных морфем (префиксов, трансфиксов, суффиксов) и словоизменительных показателей числа и падежа. Как среди первичных, так и среди производных имен у лексем женского рода перед флексией может присутствовать родовой показатель. Глагольные словоформы состоят из консонантного корня, внутренних и внешних породных показателей, а также префиксов, суффиксов и трансфиксов глагольного словоизменения (наклонение, род, лицо, число).

2.5.2. Сведения об именном словообразовании ограничены из-за скудости данных о вокализме (вокализация многих из нижеприведенных примеров приближительна). В качестве словообразовательных средств зафиксированы трансфиксы (в том числе в сочетании с префиксами) и суффиксы (в основном для отыменной деривации).

1. С у б с т а н т и в н ы е м о д е л и.

1. Модели без внешних аффиксов.

ḳatīl-: *?akl* 'еда (пища)' (< *?kl* 'есть'), *?amr* 'приказ, слово' (< **?mr* 'говорить, приказывать'), *da-ab-ḥu* [dabḥu] 'жертва' (< *dbh* 'зарезать, приносить жертву');

ḳitl-: *?ikl* 'еда (трапеза)' (< *?kl* 'есть'), *ni-iḥ-rù* [niḥru] 'сторожение' (< *nḥr* 'быть внимательным, хранить'), *pī-iḥ-r[ù]* [piḥru] 'ослабление' (< **pṭr* 'развязывать, расслаблять'), *ši-i-ru* [širu] 'песня' (< *šyr* 'петь'), *ši-tu* [šitu] 'размещение' (< *šyt* 'класть'), *ḳi-id-šu* [ḳidšu] 'святыня' (< *ḳdš* 'быть святым'). Формы с показателем женского рода *?imt* [ʔimittu] 'правда' (< *?mn* 'быть надежным, верным') и *i-[r]i-iš-[t]u₄*, *?iršt* [ʔirištu] 'желание' (< *?rš* 'требовать, желать') демонстрируют поверхностное сходство с этой моделью, в действительности, по-видимому, восходя к прототипу **ḳatīl-*;

ḳutl-: *?udr* 'величие' (< **?dr* 'быть прекрасным, благородным'), *?urk* 'длительность' (< *?rk* 'быть длинным, долгим'), *ḥu-ul-ma-tu₄* [ḥulmatu] 'тьма' (< **?l_m* 'быть темным'), *[ḥ]u-ul-ma-tu₄* [ḥulmatu] 'сила (?)' (< **?hl_m* 'быть сильным, здоровым'). Большой интерес представляет слово *?ulmn* 'вдовство', образованное, как кажется, по модели *ḳutl-* непосредственно от четырехслогового первичного имени *?almnt* 'вдова'.

Перечисленные модели для отглагольных имен имеют разнообразную семантику. Как видно из вышеприведенных примеров, есть основания предполагать также более конкретные функции для каждого из типов: *ḳitl-* — имена действия для глаголов с активной семантикой (по мнению многих авторов — одна из регулярных моделей инфинитива); *ḳutl-* — имена действия для глаголов с неактивной семантикой; *ḳatīl-* — обозначения результата действия.

ḳattāl-: *ḥa-ra-šu* [ḥarrāšu] 'ремесленник' (корень-источник точно не устанавливается), *la-ba-nu* [labbānu] 'изготовитель кирпичей' (< *lbn* 'делать кирпичи'), *šʔab* [šaʔābu] 'водонос' (< *šʔb* 'черпать воду').

Имя профессии. Количество гласного во втором слоге не может быть установлено (сравнительные данные противоречивы).

2. Модели с префиксами.

Модели с префиксом *mV-* используются для разнообразных отглагольных имен (места, времени, инструмента и др.). В основном речь идет о дериватах глагольных корней, отыменные дериваты встречаются редко. Вокализм как префикса, так и основы, как правило, неясен; надежно засвидетельствованы модели *maḳtal-* и *miḳtal-* (явного семантического различия между ними не прослеживается). Могут быть вы-

делены следующие основные категории имен с *m*-префиксацией (по возможности иллюстрируются примерами с известной вокализацией).

— Имена места и времени: *ma-ba-ri* [maʕbar-] ‘переход’ (< *ʕbr* ‘переходить, пересекать’), *mu-ša-bu* [moʕabu] ‘место жительства’ (< *yʕb* ‘сидеть, жить’), *mar-kab-te* [markabt-] ‘колесница’ (< *rkb* ‘ездить (верхом)’), *mar-de₄-em-tu* [mardimtu] ‘дорога (?)’ (корень-источник неясен). См. также *ma-aḥ-ḥa-[du]*, *mʔiḥd/mʔaḥd* [maḥḥadu] ‘гавань’ (происхождение не вполне ясно, возможно < *ʔḥd* ‘брать, принимать’) и *ma-ar-za-i* [marzaḥ-]/*ma-ar-zi-ḥi* (также *mar-zi-i*) [marziḥ-] ‘культовая община, собрание’ (корень-источник неясен), *mʕrb* ‘закат’ (< *ʕrb* ‘входить, заходить (в том числе о светилах)’).

— Имена инструмента: *ma-ša-du* [maʕsadu] ‘топор (?)’, серп (?)’ (< **ʕsd* ‘срезать, жать’), *ma-qa-bu* [maqḥabu] ‘молоток’ (< *nqb* ‘пробивать’), *ma-a-al-tu₄* [maʕʕaltu] ‘засов’ (< **nʕl* ‘запирать’), *ma-qa-ḥa* [maqḥaḥā] ‘щипцы’ (дв. ч., status constructus; < *lqh* ‘брать’), *ma-am-ša-ar* [mamʕar] ‘меч’ (корень-источник неясен).

— Обозначения абстрактных понятий: *ma-aḥ-ḥa-du* [maqḥadu] ‘права на пастбище’ (< *nkd* ‘пастух’), *ma-ša-ra/ma-ʔ-ša-ri-ša* [maʕʕar-] ‘десятина’ (< *ʕsr* ‘десять’), *mʔpt* ‘суд; управление’ (< *ʔpt* ‘судить’).

— Имена деятеля: *mʔak* [maʕaku] ‘посланник’ (< *ʔk* ‘посылать’, др.-евр. *malʔāk*), *ma-ši-lu* [maʕill-] ‘музыкант-цимбалист’ (< **ʕll* ‘играть на музыкальном инструменте’), *mdd* ‘возлюбленный; друг’ (< **ydd* ‘любить’), возможно *ma-al-sā-mu* [malsamu] ‘гонимец’ (по другой трактовке, ‘пробег, дистанция’).

Модели с префиксом *tV*- используются, в основном, для отглагольных имен. Ограниченность корпуса и почти полное отсутствие данных о вокализме не дают возможности выяснить, идет ли речь об одном или нескольких типах основ и об их связи с определенными глагольными породами (как в аккадском, арабском, отчасти в древнееврейском). Заслуживают упоминания следующие особенности производных имен с *t*-префиксацией в У.я.

— Во многих случаях отсутствует явная ассоциация с производными породами или даже наблюдается связь с основной породой: *tʔant/tʔunt* ‘шепот; беседа’ (< *ʔany* ‘шептать; стонать’), *tʕlgt* ‘заикание’ (< *ʕlg* ‘заикаться’), *tsm* ‘красота’ (< **ysm* ‘быть подобающим, красивым’), *tap-de₄-tu₄* [tapdetu] ‘обмен, плата’ (< *pdy* ‘выкупать’).

— Ассоциация с породой D вероятно лишь в нескольких случаях: *tbr* ‘освобождение от пошлин’ (< *brr* ‘быть чистым, свободным’), *tgm* ‘итог’ (< **gmr* ‘завершать, делать полным’), *trbyt* ‘прибыль’ (< **rby* ‘расти’).

— В двух случаях наблюдаются деноминативные образования с собирательным значением: *tʔintt* ‘женщины’ (< *ʔatt* ‘женщина’; ср. *tʔnt* с тем же значением в сабейском), *tmtt* ‘группа мужчин, команда корабля’ (< *mt* ‘мужчина’).

Известно несколько именных образований с префиксом каузатива *š*-: *šbšlt* ‘блюдо, вид пищи’ (< *bšl* ‘варить, готовить’), *šlḥmt* ‘провизия’ (< *lḥm* ‘есть’), *šmrr* ‘яд; отравление’ (< **mrr* ‘быть горьким’), *šnpt* (< *nwp* ‘возносить жертву’, ср. др.-евр. *tənīpā* ‘вид жертвоприношения’), *ššlmt* ‘выдача’ (< *šlm* ‘быть полным, целым’). Между ними и формами инфинитива Š (слабо засвидетельствованными) нет различия в консонантной записи, однако можно предполагать разницу в вокализме.

3. Модели с суффиксами.

Важнейшим суффиксом, участвующим в образовании существительных, является показатель *-n* (вероятно *-ān-*, см. *ksʔan* [kussiʔānu] ‘стул, кресло’ и другие примеры с *-ʔa-* ниже). Этот суффикс используется как при отглагольной, так и при отыменной деривации.

Образования с *-n* засвидетельствованы для сравнительно большого количества глагольных корней и являются именами действия с различными оттенками значения: *škrn* 'опьянение' (< *škr* 'напиваться'), *šmsn* 'груз' (< *šms* 'грузить'), *lʔan* 'могущество' (< *lʔu* 'быть могучим'), *ʔbn* 'благо; красота' (< *ʔyb* 'быть хорошим'). Вокализм основ, по-видимому, мог быть различным.

Довольно часто *-n* присоединяется к именным основам (недостаток примеров не дает возможности установить характер модификации значения): *ksʔan* 'табурет' < *ksʔu* 'стул, кресло', *btm* 'внутренняя часть дома' < *bt* 'дом' (ср. аккад. *bītānu*), *hmn* 'вид культового сооружения' < *hm(t)* 'шатер, палатка' (значение и деривация не вполне очевидны), *mšrsn* 'недостаток, дефицит' < **mšsr* (ср. др.-евр. *mašsōr*), *hʔpnt* 'осень' < **hʔp* (ср. др.-евр. *hōrāp*, араб. *ḥarīf*-), *ʔkrbn* 'вид растения' < *ʔkrb* 'скорпион', *ʔbrn* 'отверстие' (о рте) < *ʔbr* 'отверстие' (о ноздрях), *hʔbn* 'счет' < *hʔb* id.

Несколько имен с абстрактным значением имеет показатель *-yt* (субстантивированные относительные прилагательные женского рода?): *rʔišyt* 'начало' < *rʔiš* 'голова', *ʔuʔryt* 'конец' (ср. *ʔaʔr* 'потом'), *ʔaʔryt* 'конец' < *ʔaʔr* 'потом'.

II. А д ъ е к т и в н ы е м о д е л и.

1. Модели без суффиксов.

ḳatal-: *la-ba-nu* [labanu] 'белый' (< **lbn* 'быть белым'; ср. др.-евр. *lābān*), возможно *mʔad* [maʔadu] 'многочисленный' (< *mʔd* 'быть многочисленным'; ср. аккад. *mādu*). См. также *ḥa-ma-ru* [ḥamaru] 'подмастерье, ученик' (ср. араб. *ymr* 'быть необразованным, мало знать'). С осторожностью к этой же модели можно отнести некоторые производные от слабых корней: *da-alʔ*-¹ *lu* [dallu] 'бедный' (< *dll* 'испытывать тяготы, нищенствовать'), *ʔa-bu* [ʔābu] 'хороший' (< **ʔyb* 'быть хорошим');

ḳatil-: *ḥa-ri-mu* [ḥarīmu] 'заклятый';

ḳatul-: *a-du-rū*, *ʔadr* [ʔaduru] 'великолепный' (< **ʔdr* 'быть могучим, прекрасным'), *a-mu-ḳ[u]* [ʔamuḳu] 'глубокий' (< **ʔmḳ* 'быть глубоким');

*ḳatūl-: *ʔu-ú-ru* [ʔuhūru] 'чистый' (по гармонии гласных из **ʔahūru*; < **ʔhr* 'быть чистым').

2. Модели с суффиксами.

ḳtl-n: *nʔm-n* 'прекрасный' (< **nʔm* 'быть прекрасным', ср. *nʔm* 'прекрасный', *nʔm* 'прелесть'), *lʔp-n* 'милостливый' (только как эпитет бога Илу, ср. араб. *lʔf* 'быть приятным, добрым'). Как показывают дошедшие в слоговой передаче формы *ad-ma-ni* [ʔadmān-] и *ia-ar-ḳa-ni* [yarkān-] (названия полей, предположительно 'красный' и 'зеленый'), вокализация основы, возможно, ḳatlān-. Ср. также *ʔklt-n* 'кривой, извивающийся' (о мифическом водном змее, ср. др.-евр. *ʔāḳallātōn*). Субстантивированными прилагательными этой модели, возможно, являются топографические обозначения *ḥa-ar-ma-ni* [ḥarmān-] 'священное место (?)' и *ra-aḥ-ba-ni/na* [raḥbān-] 'просторное место'; см. также *ʔabyn* 'нищий, бедняк' (< **ʔby* 'желать, нуждаться');

-y: суффикс относительных прилагательных (нисба), в слоговой передаче обычно выглядит как *-iy-*, реже как *-ay-*. В качестве производящей основы могут выступать как собственные, так и нарицательные имена: *mšry* 'египетский' (< *mšrm* 'Египет'), *tu-ki-ii* [tokiyyi] 'внутренний' (< *tk* [toku] 'внутренняя часть'), *ḳdmu* 'древний' (< *ḳdm* 'передняя часть, прошлое'), *ʔuʔry*, *uḥ-ra-a-yi* 'последний' (ср. *ʔaʔr* 'потом'). Сочетание суффиксов *-n* и *-y* см. в *ʔilny* 'божество, принадлежащий к богам' (< *ʔil* 'бог').

Несколько лексем адъективного происхождения имеют префигированный *ʔ-*, в том числе в сочетании с суффиксированными элементами: *ʔagzry* 'прожорли-

вый (?), *ʔalʔiy(n)* ‘могучий’ (< *lʔu* ‘быть могущественным’), *ʔanḥr* ‘дельфин’ (< **nḥr* ‘сопеть’).

Примеры словосложения редки. Высокочастотная в нелитературных текстах лексема *bnš*, *bu-nu-šu* ‘человек’ (мн. ч. *bnšm*) обычно выводится из *bn* ‘сын’ + *nš(m)* ‘люди’, однако связанные с этой деривацией фонетические трудности едва ли могут быть преодолены (особенно проблематичен *u*-вокализм во втором слоге). Как композиты трактовались в литературе слова *nhmmt* ‘сон-смерти’ и *šḥlmmt* ‘берег-смерти’. Любопытны записанные в одно слово (без словоразделителя) термины *blmt* ‘бессмертие’ и *blmlk* ‘не-царь’ (композиты с отрицательной частицей *bl*). В одно слово может писаться распространенное наречие *drdr* ‘навек’, возможно представляющее собой соположение однокоренных основ с разным вокализмом, ср. *ana dāri dūri* в аккадском тексте из Угарита и стандартное аккадское *dūr dār*.

О глагольном словообразовании с помощью пород см. 2.3.5. Засвидетельствовано несколько деноминативных глаголов в породах G или D: *lbn* ‘изготавливать кирпичи’ (< *lbn* ‘кирпич’), *bt* ‘проводить ночь’ (< *bt* ‘дом’), *šnn* ‘скрипеть зубами’ (< *šn* ‘зуб’), *bkr* ‘провозглашать наследником’ (< *bkr* ‘первенец’), *mṭr* ‘идти (о дожде)’ (< *mṭr* ‘дождь’), *mgn* ‘дарить’ (< *mgn* ‘дар’), *ʔll* ‘оседать (о росе)’ (< *ʔl* ‘роса’), *ʔn* ‘смотреть’ (< *ʔn* ‘глаз’).

2.5.3. Отличительной чертой У.я. является весьма свободный порядок членов простого предложения. Установление нормального порядка слов в предложении с глагольным предикатом сталкивается с трудностями и является предметом дискуссии. По мнению некоторых авторов, нормальной последовательностью является «субъект–предикат» (SV), в отличие от обычного западносемитского VS. Как показало детальное статистическое исследование Й. Троппера, проведенное на материале большого корпуса разножанровых угаритских текстов, такая точка зрения едва ли верна. Вне всякого сомнения порядок VS является нормальным для всех типов поэтических текстов. Обратный порядок, по всей видимости, типичен лишь при топиализации субъекта. Порядок SV характерен только для писем и аподосисов гадательных текстов (два типа текстов, испытавших сильное влияние аккадского SV-языка). Размещение прямых дополнений и обстоятельств довольно свободно, за нормальный Й. Троппер признает обычный для западносемитских языков порядок VSO. Более или менее частотные структуры из текстов разных жанров могут быть проиллюстрированы следующими примерами (в переводе всегда используется нормальный русский порядок слов).

— Эпические тексты: VSO — *išʔu₁ ʔilm₂ rʔašthm₃* ‘Боги₂ подняли₁ свои головы₃’ (1.2 I 29); VOS — *trḥ₁ ydh₂ bilt ʔnt₃* ‘Дева *ʔnt₃* омыла₁ свои руки₂’ (1.3 II 34); SVO — *hw₁ ybl₂ ʔargmnk₃* ‘Он₁ принесет₂ твою дань₃’ (1.2 I 37), *bšl₁ tbr₂ dʔiy₃ hmt₄* ‘*bšl₁* сломал₂ их₄ крылья₃’ (1.19 III 9); SOV — *ktr₁ šmdm₂ ynḥt₃* ‘*ktr₁* опустил₃ палицу₂’ (1.2 IV 11); OSV — *knp₁ nšrm₂ bšl₃ yṭbr₄* ‘*bšl₃* сломал₄ крылья₁ орлов₂’ (1.19 III 8).

— Письма и гадания: SOV — *ʔank₁ kl₂ dršhm₃... lkḥt₄* ‘Я₁ забрал₄ все₂ их зерно₃’ (2.38:22); SVO — *mlk ʔugrt₁ ktb₂ spr hnd₃* ‘Царь Угарита₁ написал₂ этот документ₃’, *mlkn₁ l y[ʔi]ḥd₂ ʔibh₃* ‘Царь₁ не захватит₂ своего врага₃’ (1.163:7).

В предложениях с именным предикатом (существительное, прилагательное, местоимение, адвербиальный оборот) обычен порядок слов SP: *špthm mtḫtm* ‘Губы их (двоих) сладки’ (1.23:50), *lb ʔnt ʔatr bšl* ‘Сердце *ʔnt* — за *bšl*’ (1.6 II 8). Примеры обратного порядка встречаются реже: *ʔbd-k bšl bšl* ‘твой раб’ (1.2 I 36).

Атрибутивные прилагательные и субстантивные определения в генитиве обычно следуют после определяемого: *ʔilm rbm* ‘великие боги’, *lb ʔarḥ* ‘сердце коровы’,

mrḳdm d šn ‘кастаньеты из слоновой кости’. Постановка атрибутивного прилагательного перед определяемым встречается очень редко, исключительно в поэзии: *ṯhrm ṯiḳnṯim* ‘чистый лазурит’ (1.24:21). В большинстве случаев такой атрибут определяет одно из существительных, входящих в сопряженное сочетание: *nṣmt₁ šnt₂ ṯil* ‘любимый₁ год₂ ṯil’ (1.108:27), *bht ṯhrm ṯiḳnṯim* ‘дома из чистого лазурита’ (1.4 V 19). См. также некоторые божественные эпитеты (*lṯpn ṯil* ‘милосердный ṯil’, *ṯalṯiyn bṣl* ‘всемогущий bṣl’), хотя такие сочетания трудно отличить от сочетаний имени с приложением. Постановка субстантивных определений с *nota genitivi* перед антецедентом встречается очень редко и служит стилистическим целям (например, при хиазме): *št gṣnm dt ksp || dt yrḳ nḳbnm* ‘повесили они поводья из серебра, || из золота — недоуздки’. В У.я. весьма частотны приложения, обычно следующие после определяемого существительного (*nḳmd mlk* ‘Никмадду-царь’).

Глаголы обычно согласуются с существительным в роде и числе, прилагательные, личные и указательные местоимения — в роде, числе и падеже.

Однородные члены предложения соединяются союзом *w*: *ṣr šmm w dg b ym* ‘птица небесная и рыба из моря’, *tḳnšn w tldn* ‘Они сели на корточки и родили’. При соединении более чем двух однородных членов союз обычно присутствует перед каждым из них: *dbt ynt w šmḳm yn[m] w ḳmhḥ bḳl* ‘старые финики, старый виноград и солодовая мука’ (1.71:24), очень редко только при последнем. Весьма распространено бессоюзное соположение однородных членов: *šlḥm ššḳy ṯilm* ‘Накорми (и) напои богов’ (1.17 V 19), *ṣzḳ dmrk lṯank ḥtkk nmrtk* ‘сила твоя, мощь твоя, могущество твое, величие твое, сияние твое’ (1.108:24–5).

2.5.4. Тем же союзом *w* могут соединяться части сложносочиненного предложения: *yṣḳ bgl ḥtt yn...* *w ṣly l ṯr mgdl* ‘Он пролил в серебряную чашу вино... и поднялся на башню’ (1.14 III 1–3). В этой же функции используется союз *p* (как считают, с консеквативным оттенком): *w hn ṯibm ššḳ ly p l ṯašt ṯatty nṣry ṯh l pn ṯib* ‘Вот, враги теснят меня, и не оставлю я жену мою и детей моих в *ṯh* (топоним ?) ввиду врага’ (2.33:27–29). В значении ‘и, также’ встречается союз *ṯap*: *ṯakln b grnt l bṣr ṯap krmm ḥlḳ* ‘Хлеб наш на гумнах сгорел, также и виноградники погибли’ (2.61:10). Очень частотны бессоюзные сложносочиненные предложения.

Основным разделительным союзом является *ṯu* ‘или’, чаще всего при обоих противопоставляемых словах (*b ṯurm ṯu šnpt* ‘жертвой *ṯurm* или жертвой *šnpt*’, *ṯu mlk ṯu bl mlk* ‘царь или не царь’). В этой же функции часто выступает условный союз *hm* ‘либо’: *hm b mskt dllḥt hm b mndy* ‘либо густой смесью, либо мукóй *mndy*’ (1.85:4).

Наиболее частотные типы сложноподчиненных предложений следующие.

Относительные: вводятся относительными местоимениями (см. 2.3.7.), например, *yn d ntn b ksp* ‘Вино, **которое** было продано за серебро’ (4.219:1). Встречаются бессоюзные относительные предложения, часто с местоименной репризой: *ṯl šmm tsk-h* ‘Роса, которую пролили небеса’ (1.3 II 40). Как видно из предложения *y bn ṯašld* ‘О сыновья, которых я породил!’ (1.23:65), антецедент такого придаточного предложения стоит в *status constructus* (*bn*, вм. *bn-m*).

Дополнительные: вводятся союзом *k(y)* ‘что’, например, *tdš ky ṯrbt l pn špš* ‘Знай, **что** я присутствовал перед Солнцем’ (2.16:7).

Временные: вводятся различными союзами (*ṯaḥr* ‘после того, как’, *k(y)* ‘когда’, *ṯd* ‘до тех пор, пока’ и др.).

Целевые: чаще всего вводятся сочинительным союзом *w-* ‘и’, например, *ṯbh ṯimr w ṯilḥm* ‘Зарежь ягненка, **чтобы** я поел’ (1.16 VI 18).

Условные предложения вводятся союзом *hm* ‘если’ (реже *?im*): *hm ymt ?ilhm n ?ank* ‘Если он умрет, я буду воевать’ (2.82:20). Аподосис часто оформляется союзом *w* ‘и; то’: *hm ht ?l w l?ikt ?mk w hm l ?l w l?akm ?il?ak* ‘Если хетты нападут, то я напишу тебе, и если не нападут, то все равно напишу’ (2.10:10). В аподосисах гадательных текстов первое слово часто маркируется энклитической частицей *-n*. Глагольные формы в аподосисе обычно стоят или в имперфекте, или в перфекте (но не в претерите).

Общие вопросы могут быть немаркированы. Довольно часто они вводятся частицей *hm* ‘ли’: *hm yd ?il mlk yhssk* ‘Любовь ?il тебя волнует?’ (1.4 IV 38). Специальные вопросы вводятся вопросительными местоимениями и наречиями.

2.6.0. Лексика У.я., в основном, семитского происхождения. У.я. демонстрирует значительное количество эксклюзивных лексических изоглосс с ханаанейскими языками. В сфере базовой лексики (глагольной и именной) см. такие частотные слова, как *št* ‘класть, ставить’ (фин., др.-евр. id.), *lhm* ‘сражаться, воевать’ (фин., др.-евр., моав., id.), *dbr* ‘говорить’ (фин., др.-евр. id.), *kly* ‘подходить к концу’, *D* ‘уничтожать’ (фин., др.-евр. id.), *hlm* ‘бить’ (др.-евр. id.), *grš* ‘изгонять’ (фин., др.-евр., моав. id.), *šmh* ‘радоваться’ (др.-евр. *šmh*), *yšk* ‘лить, отливать’ (фин., др.-евр. id.), *?adm* ‘человек, люди’ (фин. *?dm*, др.-евр. *?ādām*), *dg* ‘рыба’ (др.-евр. *dāg*), *šph* ‘семья, потомство’ (фин. id., др.-евр. *mišpāhā*), *tk* ‘в, среди’ (др.-евр. *tōk*), *nʾr* ‘юноша’ (фин. id., др.-евр. *naʾar*), *nḥš* ‘змея’ (др.-евр. *nāhāš*), *ybm(t)* ‘свойственник, свойственница’ (др.-евр. *yābām*, *yābāmā*), *nbt* ‘мед’ (фин. *npt*, др.-евр. *nōpāt*), *ntb(t)* ‘путь, дорога’ (др.-евр. *nātīb*, *nātībā*). Еще большее количество ханаанейско-угаритских лексических сходжений обнаруживается в менее базовых лексических пластах: *?adn* ‘господин’ (др.-евр. *?ādōn*, фин. *?dn*), *hmt* ‘стена’ (фин. *hmyt*, др.-евр. *hōmā*, моав. *hmt*), *ʾr* ‘город’ (фин. *ʾr*, др.-евр. *ʾīr*), *?anyt* ‘корабль’ (др.-евр. *?ōniyūā*), *gt* ‘давальня (для вина, масла), хозяйство’ (др.-евр. *gat*), *hdm* ‘скамейка для ног’ (др.-евр. *hādōm*), *gg* ‘крыша’ (др.-евр. *gāg*), *kbs* ‘прачка’ (фин. id., др.-евр. *kbs* ‘стирать’), *trt* ‘вино’ (фин. *trš*, др.-евр. *tīrōš*), *pḥt* ‘лен’ (фин. *pšt*, др.-евр. *pēšāt*), *rpʾu* ‘обожествленный предок’ (фин. *rpʾm*, др.-евр. *rəpāʾīm*), *šlm* (обычно мн. ч. *šlmm*) ‘вид жертвоприношения’ (др.-евр. *šālāmīm*). Столь значительное количество лексических изоглосс является важным аргументом в пользу включения У.я. в ханаанейскую подгруппу. Предположение об особой близости угаритской лексики к финикийской (в противоположность древнееврейской) не кажется достаточно обоснованным.

В ранней литературе по угаритологии встречалась точка зрения, согласно которой У.я. демонстрирует особую лексическую близость к арабскому. Как показали специальные исследования, количество специфических угаритско-арабских изоглосс в действительности ничтожно мало.

Известно несколько любопытных лексических изоглосс между У.я. и аккадским. Некоторые из таких угаритских слов являются терминами поэтического языка, появление которых можно, по крайней мере гипотетически, объяснять влиянием аккадской литературной традиции: *krd* ‘герой’ (аккад. *kurādu*, *qarrādu*), *lsm* ‘торопиться’ (аккад. *lasāmu*), *lʾu* ‘быть могучим’ (аккад. *leʾū* ‘мочь’), *kms* ‘вставать на колени’ (аккад. *kamāsu*), *kml* ‘гневаться’ (аккад. *kamālu*). В других случаях, однако, речь идет о базовой лексике, в том числе и глаголах, широко употребительных в текстах разных жанров: *ʾsr* ‘птица’ (аккад. *iššūru*), *ʾrpt* ‘облако’ (аккад. *erpetu*, *urpatu*), *ʾrb* ‘входить’ (аккад. *erēbu*), *ybl* ‘приносить’ (аккад. *wabālu*), *rgm* ‘говорить, провозглашать’ (аккад. *ragāmu* ‘звать, провозглашать, спорить’). Диахроническая интерпретация данного явления остается не вполне ясной: в части случаев речь может идти о прасемитских ар-

хаизмах, утраченных в остальных западносемитских языках, однако нельзя исключать возможности субстратного или адстратного влияния со стороны языков восточносемитского типа, которые могли быть распространены в древности в сирийском регионе.

Некоторые частотные лексемы У.я. демонстрируют специфическое, не присутствующее ни в одном другом семитском языке семантическое развитие праязыкового значения: *lht* 'послание, письмо', ср. др.-евр. *lūah*, аккад. *lēʔu* 'доска (в том числе для писания)', *tbʕ* 'идти, ступать, отправляться', ср. араб. *tbʕ* 'следовать', аккад. *tebū* 'вставать, восставать', *ʕdb* 'класть, помещать, устраивать', ср. др.-евр. *ʕzb*, аккад. *ezēbu* 'оставлять, покидать'. Несколько широко употребительных глаголов явно имеют семитское происхождение, однако до сих пор не получили удовлетворительной этимологической интерпретации (*phy* 'видеть', *kl* 'падать').

Степень проникновения в У.я. иноязычной лексики является предметом дискуссии в литературе. По мнению ряда исследователей, количество заимствованных лексем доходит до 12% угаритского словаря, однако лишь для сравнительно немногих лексем заимствованный характер может быть убедительно обоснован. Заимствования довольно слабо представлены в эпической литературе, наибольшая их концентрация приходится на хозяйственные и административные тексты.

Языком, в наибольшей степени повлиявшим на лексику У.я., вне сомнения является хурритский (по некоторым оценкам, до 100 заимствованных лексем). Среди относительно надежных х у р р и т и з м о в можно упомянуть: *grbʕ* 'шлем' (хур. *gur-biši*), *hbrt* 'кастрюля' (хур. *hubrušhi*), *hršh* 'курильница' (хур. *aḥrušhi*), *kht* 'трон' (хур. *kešhi*), *py(n)dr* 'вид покрывала' (хур. *paḥandari*), *yr* 'совокупность, сумма' (хур. *ḥeyari*), *tzy* 'вид жертвоприношения' (хур. *tašuhḥe*), *ʔudr* 'говец' (хур. *izuri*), *ḥrd* 'отборный царский воин' (хур. *ḥuradi*). Хурритизмы, в основном, встречаются среди обозначений хозяйственных приспособлений и утвари, а также как названия профессий. Примечательны несколько профессиональных обозначений, содержащих основу семитского происхождения и хурритский суффикс *-ḥuli* (*-yl(y)*): *ḥḍyl* 'изготовитель стрел' (угар. *ḥḍ* 'стрела'), *ḥnyly* 'заместитель' (угар. *tn* 'второй'), *ḥḍryl* 'помощник жреца' (угар. *ʕdr* 'помогать'), *mḍryl* 'охранник' (ср. аккад. *maššaru id.*).

Количество х е т т с к и х заимствований гораздо менее значительно, некоторые из них связаны с политическим господством хеттской державы над Угаритом. Ср. *ʔubdy* 'вид земельного надела' (хет. *up(p)ati-*), *ḥsn* 'социальный класс зависимых людей' (хет. *ḥaššanna-*), *ʔuryu* 'чиновник хеттской администрации' (хет. *uraianni-*), *dyt* 'вид жертвоприношения' (хет. *tuhhui-*), *ztr* 'стела (?)', солярный символ (?) (хет. *šittar(i-)*), *ḥrsʔu* 'овчина' (хет. *kurša-*), *spsg* (с вариантами) 'вид минерала' (хет. *zapzagai-*). Заимствованием из доиндоевропейского анатолийского языка (хаттского?) считают существительное *ḥtt* 'серебро'.

В У.я. присутствует немало а к к а д и з м о в, первое появление которых в языках сиропалестинского региона на много столетий древнее самых ранних угаритских текстов. Выявление аккадских заимствований часто затруднительно ввиду генетической родственности двух языков. Среди вероятных аккадизмов можно упомянуть: *ḥrn* 'торговый путь, караван' (аккад. *ḥarrānu*), *ḥbl* 'залог' (аккад. *ḥubullu*), *dmt* 'башня' (аккад. *dimtu*), *md*, *mu-du-ú* [mūdū] 'придворный, советник (?)' (аккад. *mūdū* 'мудрый, сведущий'), *trḥ* 'жениться' (с несколькими именными дериватами) (аккад. *terḥatu* 'выкуп за невесту'), *nkš* 'счет, учет', в сочетании *rb nkšu* 'старший счетовод' (аккад. *rab nikkassi*), *npš* 'вид шерсти' (аккад. *napāšu*, *napāsu*), *phr* 'гончар' (аккад. *paḥāru*),

rbs 'наместник' (аккад. *rābišu*), *ršy* 'приобретать, иметь' (в сочетании *hwt yrš* букв. 'слово имел', т. е. 'пожаловался', аккад. *awāta rašū*), *spr* 'документ' (аккад. *šipru* 'сообщение, послание'), *spr* 'бронза' (аккад. *siparru*), *šd* 'мера длины/площади' (аккад. *šiddu*). Распространенное слово *hkl* 'дворец' восходит к шумерскому É.GAL, вероятно, через аккадское посредство.

В У.я. возможно имеется несколько египтизмов: *mṭ* 'мальчик', *mṭt* 'дева' (егип. *ms*, *ms.t*), *br* 'вид корабля' (егип. *br*), *mk* 'ну!, вот!' (егип. *mk*). Многие другие термины, которым приписывалось египетское происхождение, скорее всего, являются исконными.

Несколько лексем У.я. относятся к распространенным по всей Передней Азии «бродячим словам», о происхождении которых высказывались противоречивые гипотезы (*kzu* 'оруженосец', *ktn* 'вид одежды', *ks?u* 'кресло, трон', *?iḳn?u* 'ляпис-лазурь', *lrnm* 'гранат').

2.7.0. Данных о диалектах У.я. нет.

ЛИТЕРАТУРА

- Cezepm Cm.* Угаритский язык. М., 1965.
- Aistleitner J.* Wörterbuch der ugaritischen Sprache. Leipzig, 1963.
- Bordreuil P., Pardee D.* Manuel d'ougaritique. Paris, 2004.
- Del Olmo Lete G., Sanmartín J.* A Dictionary of the Ugaritic Language. Leiden; Boston, 2003.
- Dietrich M., Loretz O., Sanmartín J.* The Cuneiform Alphabetic Texts from Ugarit, Ras Ibn Hani and Other Places. Münster, 1995 (в настоящей статье сокращается как КТУ).
- Gordon C.* Ugaritic Textbook. Rome, 1965.
- Huehnergard J.* Ugaritic Vocabulary in Syllabic Transcription. Atlanta, 1987.
- Sivan D.* A Grammar of the Ugaritic Language. Leiden; New York; Köln, 1997.
- Soldt W.H., van.* Studies in the Akkadian of Ugarit. Kevelaer; Neukirchen-Vluyn, 1991.
- Tropper J.* Ugaritische Grammatik. Münster, 2000.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

Семитские языки
Аккадский язык
Северозападносемитские
языки

Москва
2009

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 07-04-16032)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Редакционная коллегия:

А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова

Группа «Языки мира»:

*А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус,
Н.В. Рогова, О.И. Романова*

Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова — М.: Academia, 2009. — 832 с.

Книга подготовлена в рамках многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. Это первый из двух выпусков, посвященных описанию семитских языков. В книге представлена общая статья о семитских языках, а также описания отдельных семитских языков: аккадского (с самостоятельными статьями о староассирийском и саргоновском диалектах) и северозападное семитских языков (угаритский, финикийский, древнееврейский, современный иврит, имперский арамейский, иудейско-палестинский арамейский, классический сирийский, классический мандейский, язык Маалулы, туройо и новомандейский язык). Кроме того, в настоящий выпуск включены статьи о ханаанейских и арамейских языках как о группах, а также сводное описание северозападных новоарамейских языков. Статьи написаны в соответствии с единой типологической ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Широкий типологический анализ семитских языков предпринимается в отечественном языкознании впервые, как и столь полное описание этой языковой семьи, выполненное с единых методологических позиций. В виде приложения даны описание западносемитских систем письма и образцы западносемитских алфавитов, а также языковые карты, которые отражают древнее и современное распространение семитских языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков, и издание с широким кругом адресатов, включающим лингвистов различной специализации, историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся семитскими языками и современным состоянием семитологии.

ISBN

Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic. Anna Belova, Leonid Kogan, Sergei Loesov, Olga Romanova (eds.)— Moscow: Academia, 2009. — 832 pp.

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This is the first part of the two-volume set dealing with Semitic languages. It comprises a general survey of the Semitic language family, as well as descriptions of individual Semitic languages: Akkadian (with separate articles on Old Assyrian and Sargonic) and the Northwest Semitic languages (Ugaritic, Phoenician, Ancient and Modern Hebrew, Imperial Aramaic, Jewish Palestinian Aramaic, Classical Syriac, Classical Mandaic, Neo-Aramaic of Maalula, Turoyo, and Modern Mandaic). Also included are general surveys of Aramaic and Canaanite, as well as a summary description of Modern Northeast Aramaic. Each essay follows the typologically oriented template maintained throughout the Languages of the World series. This volume concludes with several appendices: a concise history of Northwest Semitic alphabets (with samples) and a set of maps illustrating the ancient and modern spread of the Semitic languages. This volume is intended to be both a fundamental linguistic study and a reference source. It is addressed to a wide audience of linguists from various fields, historians, cultural anthropologists, teachers and students, and anyone interested in Semitic studies.

© Институт языкознания РАН, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	7
Предисловие	9

<i>Л.Е. Коган.</i> Семитские языки	15
--	----

Аккадский язык

<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Аккадский язык	113
<i>Е.В. Маркина.</i> Староаккадский (саргоновский) диалект	178
<i>Л.Е. Коган.</i> Староассирийский диалект	195

СЕВЕРОЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Л.Е. Коган.</i> Угаритский язык	205
--	-----

Ханаанейские языки

<i>Л.Е. Коган.</i> Ханаанейские языки	239
<i>А.К. Лявданский.</i> Финикийский язык	278
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Древнееврейский язык	296
<i>Л.М. Дрейер.</i> Современный иврит	375

Арамейские языки

<i>С.В. Лёзов.</i> Арамейские языки	414
<i>С.В. Лёзов.</i> Имперский арамейский язык	496
<i>А.В. Немировская.</i> Иудейско-палестинский арамейский язык	531
<i>С.В. Лёзов.</i> Классический сирийский язык	562
<i>А.В. Немировская.</i> Классический мандейский язык	626
<i>А.К. Лявданский.</i> Новоарамейские языки	660
<i>А.К. Лявданский.</i> Новомандейский язык	693
<i>Л.Е. Коган, С. В. Лёзов.</i> Маалулы язык	705
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Туройо	751

Глоссарий грамматических терминов	806
---	-----

Принятая нотация и сокращения	806
-------------------------------------	-----

Приложение I: <i>А.К. Лявданский.</i> Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита	811
Образцы западносемитских алфавитов	818
Приложение II: Типовые схемы статей	822
Карты семитских языков	824

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	7
Preface	9

<i>L.E. Kogan</i> . The Semitic languages.....	15
--	----

Akkadian

<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Akkadian.....	113
<i>E.V. Markina</i> . Old Akkadian (Sargonic)	178
<i>L.E. Kogan</i> . Old Assyrian	195

NORTHWEST SEMITIC

<i>L.E. Kogan</i> . Ugaritic	205
------------------------------------	-----

The Canaanite languages

<i>L.E. Kogan</i> . The Canaanite languages.....	239
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Phoenician.....	278
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Ancient Hebrew	296
<i>L.M. Dreyer</i> . Modern Hebrew	375

The Aramaic languages

<i>S.V. Loesov</i> . The Aramaic languages.....	414
<i>S.V. Loesov</i> . Official Aramaic.....	496
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Jewish Palestinian Aramaic.....	531
<i>S.V. Loesov</i> . Classical Syriac	562
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Classical Mandaic	626
<i>A.K. Lyavdansky</i> . The Neo-Aramaic languages.....	660
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Neo-Mandaic.....	693
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Neo-Aramaic of Maalula	705
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Turoyo.....	751

Glossary of linguistic terms	806
Notation and abbreviations.	806

Appendix I: <i>A.K. Lyavdansky</i> . The origin and early development of the West Semitic alphabets	811
Samples of the West Semitic alphabets	818
Appendix II: Templates.....	822
Maps of the Semitic languages	824